

18+

ЕКАТЕРИНА АРИСТОВА

Русалочья Бухта

Екатерина Аристова

Русалочья Бухта

«Издательские решения»

Аристова Е.

Русалочья Бухта / Е. Аристова — «Издательские решения»,

Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Главная героиня, наивная и не привыкшая к самостоятельной жизни девушка, решает уехать в Русалочью Бухту, (вымышленный) городок на юге России, чтобы начать новую жизнь и разобраться в странных обстоятельствах гибели отца. За спиной — Дублин, обеспеченный жених и влиятельная мать, глава строительной империи. Впереди — неясное будущее со смутной надеждой найти себя и не попасть в призрачную паутину прошлого.

© Аристова Е.

© Издательские решения

Содержание

1. Дом, милый дом	6
2. О Древе Семейном расскажем мы сказку	12
3. Скуке мы говорим: «Не сегодня»	16
4. Путь к сердцу женщины лежит...	24
5. Работа — не волк	27
6. Друг познается в еде	32
7. Знакомые всё лица	40
8. Разговоры о главном	49
9. Русалочки страсти	56
10. Неспящие в Русалочьей Бухте	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Русалочья Бухта

Екатерина Аристова

Иллюстратор Екатерина Аристова

© Екатерина Аристова, 2026

© Екатерина Аристова, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-6479-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Дом, милый дом

*Я внезапно отправилась в никуда:
Мне пришлось запрыгнуть в машину
И стать участником в любовной игре,
Следуя за звездами (пер. с англ.).*

Roxette — «Joyride»

Побережье Черного моря на юге России всегда славилось отличной теплой погодой, но этот майский день две тысячи девятнадцатого года превзошел все ожидания Кимберли, когда она буквально вывалилась из здания вокзала с двумя тяжелеными чемоданами. Не успела она сделать и десяти шагов, как адское пекло накрыло ее колпаком, не давая ни малейшей надежды выжить. Где хотя бы скромный порыв ветра? Пусть даже сухого и пыльного.

Пот валил с девушки градом, рыжие волосы спутались и прилипли к обнаженным плечам, тушь, судя по ощущениям, сползла на щеки. Поставив чемоданы на землю, Ким с трудом извлекла зеркальце из сумочки с документами и ужаснулась. Ощущения не подвели.

— Вот как ты встречаешь гостей, русалочий город? — горько усмехнулась она и убрала зеркало обратно.

Теперь следовало найти такси, но, как назло, когда она увидела свободный автомобиль, один из чемоданов, забитый под завязку, предательски упал и... молния на нем скоропалительно разошлась. Одежда, косметичка, фен и Бог знает, что еще, вывалились на пыльный асфальт.

Ким смачно выругалась на родном ирландском, кажется, впервые в жизни. Но волшебные слова не помогли, и пришлось самостоятельно ползать по раскаленному асфальту и собирать тряпки.

— Говорила мне Шерли: не бери с собой столько шмоток. Нет! Мы же самые умные, самые гордые и вообще...

И вообще, что она здесь забыла, в этом «раю»? Да ей денег хватит, дай Бог, месяца на два. И что делать дальше? Хорошо хоть, есть крыша над головой... Только за нее тоже не мешало бы платить. Изредка. А то крыша-то будет, а воды и света под ней — нет.

— Девушка, вам помочь? — к Кимберли подошел загорелый черноволосый парень в рубашке свободного покроя и светлых шортах. Открытое лицо, доброжелательная улыбка. Только подняв на него взгляд, Ким вдруг ощутила непреодолимое желание разреваться белугой. Так всегда бывало, когда плохо, а окружающие смотрят с сочувствием.

— Нет, спасибо, я сама, — помотала головой девушка, отгоняя непрошенные слезы и этого сердобольного.

— Вам такси нужно? — уточнил он. — Так я вас подвезу.

— Вы таксист? — с остервенением запихав последнее платье в чемодан, Кимберли с трудом закрыла молнию и снова посмотрела на парня.

— Да. Давно наблюдаю за вашими мучениями. Давайте ваши вещи, — парень осторожно поднял чемоданы и потащил их к одной из машин. Ким с трудом поплелась следом, тяжело вздохнув.

— Переулочек Магнолий, 11, пожалуйста, — выдохнула она, едва ее пятая точка коснулась кожаного сиденья автомобиля.

— О'кей! — улыбнулся водитель и повернул ключ зажигания. — Сейчас включу кондиционер.

Ким откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Но расслабиться ей не дали.

— Странное место вы выбрали для жительства, — хмыкнул таксист. — Или вы в гости едете?

— А что с ним не так? — насторожилась Ким.

— Вы не знаете особняк Прохоровых?

— А должна? Я несколько лет здесь не была. Там оргии по ночам устраивают, что ли?

— Ну, в некотором роде, да. Максим Прохоров — человек известный в кругу любителей ночных посиделок.

— Надеюсь, людей там не расчлениют? — без улыбки уточнила Ким, опять закрывая глаза. Разговаривать ей не особо хотелось.

— Ха! Как знать. Ужасики любите? — снова ухмыльнулся таксист.

— Просто предположила. Что ж, буду знать. А может, вы еще что-нибудь мне подскажите?

— Спрашивайте, чем смогу — помогу, — с готовностью откликнулся парень, видимо, большой любитель потрепать языком.

— Меня интересует история, случившаяся здесь около года назад. Вы не слышали? С гонщиком...

— А, это, — нахмурился водитель. — Слышал, а как же. В нашем районе о нем только и говорили в прошлом году. Вы имеете в виду случай с Виктором Платоновым?

— Да.

— Ну, тут я вам не помощник. Темная история, что уж там говорить. А вам что за дело до этого?

— У меня здесь личный интерес, — ответила девушка.

— У вас интересный акцент. Видно, русский для вас — не родной. Откуда вы? — любопытство губит не только кошек, как оказалось, но и таксистов.

Кимберли открыла глаза и окинула парня внимательным взглядом.

— Я не очень люблю рассказывать о себе.

Таксист хмыкнул и пробурчал что-то нечленораздельное.

Остальную часть пути они проделали молча, но облегчения Ким это не принесло. Она пыталась обратить внимание на пролетающие мимо дома и яркую зелень, но в голове крутилась только одна мысль — скоро она будет в ЕГО доме. Где жил ОН. И где она так любила бывать в детстве.

— Ну, мы приехали. Меня, кстати, Роман зовут, — улыбнулся парень, протягивая девушке свою визитку. — Может, еще пригожусь, если вы у нас надолго застрянете. Желаю удачи.

После того, как Ким заплатила за проезд, он помог ей вытащить чемоданы, и только потом заметил, к какому зданию они подъехали.

— Ба, да это же дом Виктора! А вы сюда каким боком?

— Я его дальняя родственница, — почти что правда. — Спасибо, что подвезли.

— Всегда пожалуйста, — Роман как-то странно на нее посмотрел, но в следующее мгновение уже юркнул за руль своей машины.

— Вот-вот, езжай себе с Богом, — бормотала себе под нос девушка, волоча чемоданы к дверям. — И я, дура, разоткровенничалась...

Ключ еще, как назло, куда-то запропастился. Перерыв всю сумочку и чертыхаясь на чем свет стоит, Кимберли со стоном покосилась на чемоданы. Неужели придется опять перетряхивать все вещи на пороге?

А тут еще заросшие сорняками клумбы с торчащими скелетами мертвых розовых кустов внесли лепту в нарастающее отчаяние.

Прислонившись с тяжелым вздохом к стене, Ким сунула руки в карманы брюк, и о чудо! Ключ нашелся именно там.

— Йес! — радостно воскликнула она, снова перейдя на родной язык, и запихнула находку в замочную скважину. Переступив порог, девушка с замиранием сердца окинула взглядом прихожую. Но никакого волшебства не случилось. Она не услышала таинственных шорохов, не заметила никаких призрачных свечений.

Наоборот, весь дом был до боли обычным. Несколько запущенным, но и только. В воздухе стоял запах затхлости и сырости, но с этим легко справиться. И не было ощущения, что это жилье какое-то особенное. Даже сам факт того, что тут жил ОН, больше ее не волновал.

Оставив чемоданы у двери, Кимберли отправилась исследовать дом. Здесь ничего не изменилось, насколько она помнила. Но освежить память все же не помешает. На первом этаже располагалась кухня с простой деревянной мебелью: три навесных шкафчика, стол на двоих да парочка табуреток. Стальная раковина, металлический холодильник да облепленная наклейками с изображениями гоночных машин микроволновка дополняли картину. За стенкой находилась небольшая комната, раньше выполнявшая роль гостиной. Потертый темно-зеленый диванчик, синее кресло-качалка, такое же обшарпанное. Журнальный столик и книжный шкаф с открытыми полками — из дешевого ДСП. Зато шикарный огромный настенный ЖК-телевизор. Впрочем, он-то как раз Кимберли был без надобности. Тут более-менее царил порядок, чего нельзя было сказать о втором этаже. Спальня больше напоминала свалку: на полу валялись книжки, подушки, стопки старых газет, кучки из нестиранной одежды. Ванная комната тоже ужасала своей запущенностью и запахом застоявшейся канализации.

«Ладно, сейчас не время отчаиваться», — подумалось новой хозяйке. И перво-наперво девушка распахнула настежь все имеющиеся в доме окна, чтобы впустить пусть душный и горячий, но хотя бы воздух.

Девушка вышла во двор и только сейчас заметила гараж. Вот здесь можно найти что-нибудь интересное для приведения жилья в порядок. Вспомнив, что из дома в него попасть нельзя, рискнула поднять металлические жалюзи. И они с легкостью поддались. Видимо, после смерти хозяина никто не озаботился сохранением его имущества. Даже юристы и полицейские.

Ким обвела взглядом помещение и разочарованно вздохнула. Никаких чистящих средств не наблюдалось. Остатков автомобиля, который стоил Виктору жизни — тоже. Впрочем, не удивительно. Вместо него стоял какой-то жалкий пикап, в углу валялась куча колес, стены были увешаны инструментами.

Вздохнув еще раз, Кимберли вернулась в дом, пройдя на кухню. Заглянув в холодильник, ахнула и быстро захлопнула обратно. Да, неподготовленной туда нельзя соваться. Все, что было куплено год назад, так и лежит на полках, пропитав вонью тухлятины даже стены агрегата.

Рано она отпустила Романа, как оказалось. Последний раз она была в Русалочьей Бухте шесть лет назад, и естественно, совершенно не помнит, где тут продовольственные магазины. Да и остальные — тоже. Представив, сколько часов, а быть может — и дней, она будет приводить свое новое жилье в порядок, девушка застонала. Что ж, она сама так решила. Пора начинать думать своей головой, а не маминой. Та жизнь всегда была ей чужда, а теперь — и подавно.

Ладно, все грустные мысли следует запрятать подальше. Еще будет время их посмаковать. Кимберли вспомнила, что при подъезде к дому на углу видела газетный киоск. Может быть, у них найдется карта города. К ее огромному стыду, она до сих пор плохо ладила с телефонным навигатором. А ведь надо познакомиться с местностью поближе. Ведь теперь это ее дом, ее город. Но сначала — ледяной душ.

Приняв водные процедуры, Ким несколько приободрилась и ощутила себя готовой к схватке с городом. Переодевшись в легкое платье и сандалии, перекинула через плечо сумочку и отправилась на разведку. А точнее — за покупками.

Только ближе к вечеру девушке удалось придать дому более-менее жилой вид. Мало того, что она потратила два часа в ближайшем супермаркете, так еще и дом оказался запущеннее, чем казался на первый взгляд.

Пришлось драить буквально каждый сантиметр здания. Кимберли подметала, пылесосила, мыла, и казалось — конца и края этому занятию не предвидится.

Учитывая, что до сего момента она ни разу в жизни не держала в руках швабру, можно себе представить, сколько сил и нервов ей пришлось потратить.

Самым интересным и познавательным занятием для Кимберли стало мытье холодильника. Естественно, с такой точки зрения она агрегат никогда не рассматривала. Но помнила, как однажды подобный подвиг совершала домоправительница миссис О'Дэлли.

Для начала она выгребла из него все продукты и свалила в мусорный мешок, потом смешала в ведре воду с волшебным порошком, который, судя по рекламе, в состоянии отмыть даже место преступления. В процессе мытья Ким сломала два ногтя, несмотря на резиновые перчатки, надышалась этим вонючим порошком, а вот холодильник чище не стал. Запах испорченных продуктов прочно въелся в стены. Придется с ним расстаться.

Кимберли лишь порадовалась, что не стала покупать продукты, требующие холода. Лишь пару упаковок готовой еды, нуждающейся в микроволновке, яйца, хлебцы и баночку с джемом, который можно хранить до +25. То бишь — в гараже.

Разогрев кусок готовой лазаньи, девушка включила высохший после тщательного мытья электрический чайник и положила в уже чистую чашку чайный пакетик. Аппетита особого не было, да и сказывался долгий путь от Дублина. Сначала самолет, потом автобус, затем поезд. Поспать удалось урывками, и особым отдыхом это назвать сложно. Но Кимберли понимала, что без ужина вообще не потянет ног.

Сев за стол, вяло ковырялась вилкой в лазанье и думала о будущем. Для нее переезд в другой город оказался настоящим подвигом, и она никогда раньше не думала, что будет способна на такое. Сейчас же ей казалось, что она поступила опрометчиво. Кимберли не привыкла к самостоятельности такого рода, и, ощущая, как болит каждая мышца в теле, боялась, что надолго ее не хватит.

Теперь ей предстояло заботиться в одиночку о целом доме: готовить, стирать и убирать самой. Но самое страшное — придется работать. Диплом менеджера в сфере городского планирования и архитектуры, полученный после четырех лет учебы в престижном Дублинском технологическом институте, вряд ли поможет ей. У нее нет ни опыта, ни нужных связей, чтобы получить работу по специальности. Да она и сама этого не очень-то хотела. В выборе будущей профессии сыграло мнение матери, которая редко согласовывала его с другими людьми. А Ким только недавно поняла, насколько ей ненавистно все, что связано со строительством.

Сейчас она очень жалела, что столько лет шла на поводу у других людей и, даже имея собственное мнение, никогда не высказывала его. Но лучше поздно, чем никогда.

Мысли о матери сразу отрезвили и намекнули, что самостоятельность — не так и плохо. И, пожалуй, стоит задержаться в этом милом морском городке с чудным названием.

Прихватив с собой чашку чая, девушка вышла на крыльцо вдохнуть свежего вечернего воздуха перед сном.

На небе загорались первые звезды, сумерки постепенно окутывали город мягким темным покрывалом. Ночной прохладный ветер ласкал кожу, и Ким с облегчением выдохнула. Хотя бы на несколько часов адская жара отступит и оставит в покое измученные тело и разум.

Девушка оперлась на перила и изучила дом соседей. А вот там, судя по всему, движуха только начинается. У здания уже стояло шесть машин, и уже пытались припарковаться седьмая и восьмая.

— Вечеринка? Только не это...

Но это было именно тем, чем казалось — развлекательная программа местной золотой молодежи. Когда со стороны дома раздался женский веселый смех, а затем грянула бесформенная музыка в жанре «драм-н-бэйс»¹, Ким поняла, что грядет бессонная ночь.

Но как ни странно, до двух часов ночи она все же поспала. Несмотря на затхлую подушку и отсутствие свежего постельного белья. Видимо, долгая двухдневная дорога и трудный день дали о себе знать. Но когда сон стал более чутким, она услышала громкую музыку, доносившуюся сквозь открытое окно.

— Начинается... — Ким натянула на голову подушку, но толку от этого было мало. Простонав от досады, она скинула одеяло на пол и подбежала к окну. Но даже закрыв створки, она слышала звуки музыки. Если можно было так назвать эти адские завывания. — Проклятье!

Сон как ветром сдуло. Кимберли спустилась на кухню, налила в стакан воды и с мрачным видом плюхнулась на стул. Не привыкла она к такому обращению. И к бодрствованию по ночам — тоже. Психанув, девушка бросилась обратно в спальню, добавив к ночной футболке спортивные леггинсы.

А соседи веселились... На подходе к соседскому дому девушка поняла, что они даже и не думают закрываться.

— Ну, ничего, — подбадривала Ким сама себя. — Я же могу и полицию вызвать, в конце концов.

Хотя с этим типом власти она не сталкивалась напрямую никогда. И таких ответственных решений, вроде звонков гарде², не любила. А в России, говорят, с этим вообще сложно.

Вечеринка в самом разгаре. Причем часть гостей танцевали под звуки, льющиеся из надрывающихся умных колонок, прямо на улице.

«Сумасшедший дом какой-то».

Знать бы еще, кто хозяин.

Только она собралась постучать в дверь, как та распахнулась, и на девушку едва не упал взлохмаченный парень с мутным взглядом.

— О, какая цыпа... — хмыкнул тот, но вскоре потерял к ней интерес, начав икать. Ким ошарашено проводила его взглядом до ближайших кустов, где он, судя по звукам собирался очистить желудок, и шагнула в дом. В нос ей тут же ударила вонь, сплетенная из сигаретного дыма и запаха пива. Кимберли ни разу за все годы учебы не была ни на одной студенческой вечеринке, и теперь поняла, что зря. Иначе она была бы готова к тому, что здесь происходит. Когда нос привык к царившим здесь ароматам, девушка попыталась оценить обстановку. Если бы еще музыка так не орала...

Трезвее и менее обкуренным, чем другие, здесь выглядел один лишь человек, и Ким внутренним чутьем догадалась, что это хозяин дома. Стройный молодой человек с модной прической, и кажется, обесцвеченными волосами.

— Какая безвкусица, — прошептала девушка, но потом прикусила язык. Терпеливо дожидаясь, пока он закончит обжиматься с какой-то полуголой девицей и обратит на нее драго-

¹ Жанр электронной музыки, который возник на рейв-сцене из олдскул-джангла в Англии в начале 1990-х годов. Форма танцевальной музыки, предназначенная для прослушивания в ночных клубах, а также для экстремальных видов спорта.

² Гарда Шихана (ирл. An Garda Síochána na hÉireann, букв. «Стража мира Ирландии», «Охрана правопорядка Ирландии»), также известная как просто Гарда (ирл. Gardaí, англ. The Guards) — национальная полицейская служба и служба безопасности Республики Ирландия. Одного сотрудника полиции называют «гарда» (garda, во множественном числе — gardaí). Обращаются к нему точно так же — например, «гарда Джон Мёрфи» (англ. Garda John Murphy).

ценное внимание, девушка переминалась с ноги на ногу, чувствуя себя неудобно в такой обстановке. Вдобавок ко всему на нее недобрым взглядом косилась шатенка в обтягивающем коротком платье, из которого ее грудь так и норовила выпрыгнуть. До ее появления девица играла в бильярд, а теперь, сошнувшись, наблюдала за гостьей.

Наконец, полуголая леди выскользнула из объятий хозяина, и пошатываясь, прошла мимо Ким. Блондин поднял глаза на нового человека в доме.

— О, привет-привет. Какими судьбами к нам, лапочка? Всегда рад новому лицу, да еще такому... — он очень мило улыбнулся и попытался приобнять девушку.

— Доброй ночи, — с чувством собственного достоинства произнесла Кимберли, отступая на шаг назад. — Я хочу вас попросить убавить немного громкость.

— Так ты сюда не развлекаться пришла, а жаловаться?

— Молодой человек, я вообще-то спать хочу, — Ким сама себе удивлялась. Никогда в жизни она не разговаривала таким тоном. — А сейчас третий час ночи. Утро не за горами.

— Завтра воскресенье. Выспитесь. Или работа не ждет?

— Какая вообще разница, работаю я или нет? По закону вы обязаны выключить музыку после одиннадцати вечера.

— Да неужели, красатуля? А если нам скучно? Если мы не такие белые и пушистые, чтобы спать ночью в кроватках?

— Скучно? Включите новости! — огрызнулась Ким. — Хотите, чтобы я вызвала полицию?

— Вызывай, — хохотнул парень. — Отделаюсь выговором от дядюшки, когда он явится на твой зов.

Ким забыла, что хотела сказать, и замолчала. Так вот, в чем дело. Стоило уехать за тридевять земель от Дублина, а везде то же самое. Как говорила ее русская бабушка: «рука руку моет». Или тут больше по смыслу подходит «кумовство»?

Впрочем, какая разница?

Тут вдруг хозяин дома окинул гостью внимательным взглядом и мягко улыбнулся. Дружелюбно, без сарказма на этот раз.

— У тебя такой несчастный вид, словно я — твой дантист, и собрался рвать зуб без анестезии. Не смотри ты на меня так. Я не садист. Ладно, сделаем потише. Иди досыпай.

— С чего вдруг такая щедрость? — с подозрением покосилась на него Ким.

— Считай — ты мне просто понравилась, соседка. Ну все, иди. Или может, передумаешь и присоединишься? У нас тут холодное пиво и...

— Нет, благодарю. Слишком спать хочется. Сосед.

Вернувшись через несколько минут домой, Кимберли с удивлением осознала, что стало тихо. Облегченно улыбнувшись, она разделась до трусиков и футболки и забралась под одеяло.

Только сон как назло не шел. Прогулка к соседям взбудоражила ее и лишила покоя. Если ей каждый раз придется вот так выяснять отношения, грош цена ее самостоятельности. Долго так она не сможет. А возвращаться домой, видеть самодовольное лицо матери и слышать, что «она оказалась права, как всегда», ей совсем не хотелось.

Ей хотелось доказать Джилин, что она может существовать не в качестве одной из членов семьи и компании «Дойлс Хоумс»³, а как самостоятельная и самодостаточная личность.

³ В англ. варианте — Doyle's Homes. В переводе — Дома Дойла.

2. О Древе Семейном расскажем мы сказку

*Под светом
Серебряной луны
Гордые дикие скакуны
Найдут свой дом (пер. с англ.)
Сара Брайтман — «Seven Seas»*

Доказывать самостоятельность, судя по всему, придется долго и упорно. Миссис Дойл до умопомрачения гордилась своим происхождением. История семьи береглась и почиталась, и Кимберли с детства знала ее наизусть.

Хотя, по ее скромному мнению, гордиться основателями было по меньшей мере глупо. Проститутка и преступник — отличная пара, ничего не скажешь. Уважение — да, возможно. Все-таки они были не самыми плохими людьми. По сравнению с другими. Но гордость? Это слишком.

Правда, в своих хвастливых речах Джиллин Дойл эту часть истории старалась обходить стороной, но считала нужным донести ее до Кимберли.

Род Дойл был основан в далеком 1766 году. Французская пара Клод и Жозефина Жаваль в поисках лучшей жизни решили покинуть родную страну и отплыли двадцать второго февраля в Штаты, которые в то время были наполовину дикой страной.

Точкой опоры было принято считать именно этот союз, ибо родословную Жозефины было невозможно установить: она была сиротой и никогда не знала своих родителей. Ее главным достоинством и богатством была красота, как внешняя, так и внутренняя, несмотря на род ее занятий. Она оставалась приветливой и доброй, хотя по ее же словам, некоторые товарки и называли ее хитрющей стервой. Джиллин считала эти слова пустыми слухами, основанными на зависти и недоброжелательности так называемых подруг Жози.

Кимберли не знала, на чем основывается ее мать, так веря в чистоту ее прародительницы. Куртизанки редко славились приятным характером, ведь они всегда становились на эту тропу не от лучшей жизни. Ну ладно, не всегда, а в большинстве случаев.

Жози вела дневник, поэтому вся информация была из первых уст, но каждый человек обычно верит в то, что он почти святой, и поэтому Ким сомневалась в такой исключительной положительности будущей мадам Жаваль.

Жози работала в районе Пигаль⁴, пока одним из ее клиентов не стал господин Клод, мелкий фальшивомонетчик из Тулузы. Он настолько увлекся женщиной, в ту пору еще Мадемуазель Жо-Жо, что через несколько посещений заведения предложил ей руку, сердце и свой сомнительный капитал.

Буквально через неделю после того, как мадемуазель стала мадам Жаваль, деятельностью Клода заинтересовалось государство. Супружеской паре пришлось бежать. А в те времена практически все, кто бежали, выбирали своим новым пристанищем земли Нового Света. Всем мерещились чуть ли не райские кущи, когда они думали об Америке, забывая, что в благословенных садах еще и туземцы бегают. С томагавками, которыми так удобно снимать скальпы белых.

Через полгода после того, как супружеская пара пустила корни в форте Сен-Луи⁵, что в штате Техас, на него напали индейцы. Мадам Жаваль удалось спастись, а вот скальпу ее мужа повезло меньше. Очаровательная парижанка в одночасье стала вдовой, но оставалась в этом

⁴ Квартал Красный фонарей Парижа.

⁵ Форпост Франции на территории Техаса.

положении недолго. В этом же году она сочеталась браком с Джорджем Дойлом, ирландским землевладельцем, который разорился благодаря английской колонизации его родной страны.

Когда в конце восемнадцатого века территории Техаса попали под власть испанцев, супружеская чета вместе с двадцатилетней дочерью покинули штат и обосновались в Луизиане.

Дойл все эти годы трудился не покладая рук, пытаясь восстановить утраченное. И к концу своей жизни он практически этого добился. Правда, тут была замешана и его дочь, прекрасная Луиза. Породнившись с богатейшим хлопковым плантатором Юга, Гевинном Доусоном, все большое семейство прочно встало на ноги в штате Миссисипи.

В течение шестидесяти лет судьба была к ним благосклонна. Богатейшая семья плантаторов-рабовладельцев пользовалась уважением и почетом среди соседей. Стоит отметить, несмотря на богатство и власть, члены семейства довольно неплохо относились к людям, стоящим на иерархической лестнице ниже них. Рабы были сыты, и их лоснящаяся кожа редко знавала кнут надсмотрщиков. Им давалось достаточно времени для отдыха и своих дел. Дети плантаторов играли вместе с чернокожими малышами, и родители-хозяева снисходительно к этому относились. Наследники плантации воспитывались отнюдь не лентяями. Их с младых лет готовили заботиться о своем хозяйстве, не полагаясь ни на кого, кроме себя.

Дни членов семейства проходили в трудовых заботах и приятных хлопотах. По сложившейся традиции вечерами глава семейства читал вслух что-нибудь поучительное, а нередко — и развлекательное.

Вообще книги в этой семье любили и ценили. В библиотеке усадьбы на любой вкус нашлось бы чтение: исторические романы, философские труды, мемуары известных людей. Молоденькие и романтично настроенные мисс предпочитали любовные и готические истории с непременно похищениями, соблазнами и прочей атрибутикой таких сюжетов. В этой семье такие книги не возбранялись. Считалось, что вся эта романтика выветрится из хороших голов, когда придет время, а посему, почему бы не позволить им заниматься тем, что им нравилось.

Такая идиллия продолжалась вплоть до 1861, когда страна раскололась на две части. Несмотря на то, что штат Миссисипи входил в состав Конфедерации⁶, глава семьи Дойл-Доусон проявил невиданную мудрость и дальновидность, отпустив своих рабов на волю, заменив их наемными рабочими. Впрочем, многие из рабов не захотели расставаться с бывшими хозяевами, понимая, что лучших условий для жизни еще поискать, и остались работать на семью, только теперь они были свободными людьми, и получали за свой труд деньги.

Видимо, Бог был на стороне этой семьи, потому что несмотря ни на что, плантация выжила. Ужас и разрушения гражданской войны обошли ее стороной.

Но когда генерал Ли сдался войскам Гранта в 1865 году⁷, глава семьи, старый Джером, умер. Его сын и единственный наследник принял решение продать земли, распустить рабочих, отчеккрыжить от фамилии второе имя и отправиться в Европу вместе с женой, двумя вдовыми сестрами, детьми и племянниками. В частности, в Ирландию. В Дублин.

Понимая, что городу нужны хорошие мозги и рабочие, умелые руки, Джефффри Дойл отправил своих сыновей в старейший университет Ирландии — Тринити-колледж. Там они должны изучать торговое дело, экономические связи, а также архитектуру и городское планирование.

В 1878 году старшим сыном Джефффри была основана строительная корпорация «Дойл и сыновья», и через пять лет упорного труда она стала процветать. В 1910 году были открыты филиалы в других городах Великобритании, главами которых стали сыновья, племянники и

⁶ Конфедерация, или Конфедеративные Штаты Америки — независимое государство, в состав которого вошли (после выхода из Соединенных Штатов) 11 рабовладельческих южных штатов, выступавших против отмены рабства.

⁷ Гражданская война в США закончилась 9 апреля 1865 года, когда главнокомандующий войсками Конфедерации генерал Роберт Эдвард Ли подписал капитуляцию у Аппоматтокса.

зятя Джеффри Дойла. Но штаб по-прежнему оставался в Дублине и владел большей частью акций.

Великая депрессия⁸ ударила не только по Штатам, но коснулась и Старого Мира. Едва не уничтожила корпорацию, но несмотря на крах биржи и банковской системы, «Дойл и сыновья» смогли удержаться на плаву. Само государство было заинтересовано в том, чтобы «Дойл и сыновья» выжили. Строительство всегда было источником рабочих мест.

Вторая мировая война не особо сказалась на ведении дел, поэтому в семье не принято уделять этому событию должное внимание, что весьма корбило Кимберли. По мнению ее матери все, что не касалось их бизнеса, можно забыть и выкинуть из головы.

В 1979 году во главе корпорации впервые встала женщина, бабушка Кимберли, которая не замедлила переименовать фирму, убрав унижительное для женщин слово «сыновья».

Шеннон Дойл сразу же получила прозвище «Вторая Железная леди». Ее стальная хватка и интуиция в бизнесе поражали. Ею восхищались, ее боялись. К слову сказать, с первой леди, именуемой столь же лестно, она была близко знакома и состояла в дружеских отношениях⁹.

Джилин в ту пору было всего четырнадцать лет, но уже тогда ее приучили к мысли о том, что вскоре она будет президентом корпорации. Она мечтала о том, что сможет затмить свою великую мать.

Но Ким не думала, что это когда-нибудь случится. У Джилин Дойл было больше бахвальства, чем деловой хватки. Ей бы подошла должность PR-менеджера. Она до смерти любила благотворительные балы и встречи, и не упускала ни единой возможности в поисках новых клиентов. Тут она не знала себе равных.

Кимберли всегда больше любила бабушку, чем мать. Джилин в основном интересовал ее старший сын Киран, которого боготворили обе: и она, и Шеннон. Именно ему готовилась роль главы. Но несмотря на это, Шенн всегда находила время и для внучки, ее любимой девочки. Дома она превращалась в обычную бабушку, которая всегда читала на ночь сказки, а по выходным могла побаловать внучку и вишневым пирогом, который удавался ей на славу и был ее коронным блюдом.

Она ценила девочку такой, какой она была и всегда могла внимательно выслушать и дать добрый совет, который никогда не преподносился как приказ.

Для матери же Кимберли долгое время оставалась пустым местом. Но зато с отчимом она сумела найти общий язык. Когда мать вышла замуж второй раз, Ким было всего пять лет. Грегори Савадж, художник, познакомился с ее матерью на одном из благотворительных вечеров. Денег, как ни странно, у него было немерено, и как казалось Ким, именно это послужило причиной пристального внимания к нему Джилин. Хотя, может тут имела место и любовь — дочь и мать никогда не были откровенны друг с другом.

Как бы то ни было, Грег стал настоящим другом и защитником для девочки. Когда родилась Шерли, он по-прежнему относился к Кимберли, как к родной дочери. Она любила его так же сильно, как и родного отца, с которым виделась хоть и часто, но недостаточно для того, чтобы он принимал должное участие в жизни девочки.

Именно с Грегом, а не с матерью, Ким обсуждала свои успехи в школе, свои первые увлечения мальчиками. Именно ему она плакалась в жилетку, когда разочаровалась в своей первой любви. И он же пытался оградить ее от непомерного влияния матери, когда умерла бабушка, а вслед за ней и Киран.

⁸ Мировой экономический кризис, сильно затронувший США. 1929—1939 гг.

⁹ Имеется в виду премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер. Естественно, встреча двух леди — вымышленный факт.

Шеннон Дойл скончалась в 2004 году из-за остановки сердца. Кимберли в ту пору было всего двенадцать лет. Девочка не могла найти себе места от съедавшего ее горя. Если бы не отчим, она навсегда замкнулась бы в себе.

Но самый страшный удар настиг семью в 2005 году, когда любимец и гордость семьи, Киран Дойл, разбился насмерть в свой выпускной вечер. Ким в последние годы не была особо близка с братом, считая его заносчивым и пустым, но брат есть брат. Его смерть потрясла ее. Джилин вообще была безутешна. Все ее надежды и планы рухнули в один миг. Кто заменит ее обожаемого сына, ведь она готовила для него такую блестящую судьбу!

Когда Ким стала старше, она начала подумывать о том, что именно отношение матери к брату его и сгубило. Он был разбалован так, что страшно становилось. Любая выходка ему прощалась, ведь он — наследник империи.

В ту ночь на выпускном балу он сильно напился на радостях от того, что вступает во взрослую жизнь, и не справился с управлением, врезавшись в экскурсионный автобус на полной скорости. Хорошо хоть, автобус был пустым, а его водитель отделался легким испугом. Зато капот автомобиля был смят так, что пришлось вырезать двери, чтобы вытащить тело Кирана. Вернее то, что от него осталось. Практически сразу после удара машина загорелась, и труп обгорел до полной неузнаваемости.

Водитель автобуса после болтал о том, что вроде видел на пассажирском сиденье еще одного человека, но так как у него было легкое сотрясение, все его видения списали на травму. Тем более никаких следов этого таинственного пассажира так и не нашли.

Убиваясь по поводу его смерти, Ким не предполагала даже, какой ад начнется после всего этого лично для нее. Мать взбрело в голову, что именно она станет наследницей. И с этого момента жизнь Ким перестала быть спокойной. Она больше не принадлежала себе. И отчаянно завидовала тем, кто является хозяином своей судьбы.

Но когда умер Виктор, что-то внутри нее всколыхнулось. Внутренний гнев, который копился годами и становился все сильнее, наконец-то вырвался наружу. Ведь Джилин запретила ей даже посетить похороны, заставив после этого страшного известия всю неделю улыбаться и кивать головой на благотворительных приемах.

Да, может быть Ким и не гордилась той, кто основала их семью, но она ей симпатизировала. Жози рискнула и выиграла. И хотя бы в этом с нее стоит брать пример.

Жози не любила своего первого мужа, но пыталась убежать от своей прежней жизни, сразу же согласилась выйти за него замуж. И не побоялась уехать к черту на кулички, в дикую и страшную страну со своими законами.

По словам мадам Жаваль, Клода убили на ее глазах, и она должна была быть следующей, и неизвестно, какая участь уготована была ей. Но ее и других пленников, которых захватили индейцы после набега на форт, отбили солдаты.

После всех ужасов она могла бы вернуться домой, во Францию, но предпочла остаться и попытаться начать новую жизнь. И ей это удалось!

Из обычной дешевой проститутки она превратилась в элегантную даму, которая воспитала свою дочь истинной леди, позаботилась о том, чтобы ей было дано надлежащее образование. Она сделала все, чтобы быть принятой в высшем обществе и добилась своего.

Ким тоже рискнет. И пусть в итоге она приползет обратно на коленях к матери, умоляя ее простить, но она должна попытаться. Иначе окончательно перестанет себя уважать.

3. Скуке мы говорим: «Не сегодня»

Какой-то настойчивый звон проникал сквозь опутавшую сознание паутину сна. Что же может так звенеть? Кто-то рвется к ней в гости?

Кимберли с трудом разлепила глаза и уставилась в потолок, пытаясь собраться с мыслями. Всю ночь перед ее глазами туда-сюда проносились прочитанная и прослушанная сотни раз история ее семьи, зря она перед сном об этом вспоминала. Теперь она не могла понять: кто она, где, и что вообще происходит.

Будильник показал почти час пополудни — она никогда не просыпалась так поздно, но виной всему джетлаг¹⁰, уборка дома да ночная прогулка к соседям, из-за которой она заснула только перед рассветом. Все тело болело, словно по ней проехала бетономешалка, в голове — туман. Но терзающий ее уши звон не прекращался. Кимберли со стоном вылезла из постели и медленно спустилась вниз, в гостиную. И поняла, что за звук ее разбудил. Телефон. Но разве кто-нибудь знает, что здесь снова есть жильцы? Дом был необитаем почти год, так с какой стати сейчас кто-то решил позвонить сюда?

Но трубку все-таки нужно снять. Может кто-то из знакомых Виктора не в курсе его гибели.

Шагнув к телефону, Ким осторожно подняла трубку.

— Алло...

— Кимберли! — запричитали в трубке по-английски. — Полчаса слушаю гудки, где ты бродишь?!

— Мама?! — ахнула Ким, с трудом удержав трубку в руках. — Как ты... Откуда...

— Не переживай, Шерли молчит как рыба, хотя я уверена, что ей есть что сказать. Она же в курсе, не так ли?

Конечно, сестра в курсе. Должна же она была хоть кого-то предупредить... Но говорить об этом матери она не стала.

— Молчишь? Молчание — знак согласия. Ну, Шерли еще свое получит, не волнуйся.

— Как ты узнала, где я?

— Спасибо, что так низко оцениваешь мои умственные способности. Где еще ты могла бы быть? Я сразу поняла, что ты улетела в Бухту. Да, ты доказала свою самостоятельность и свой дурацкий характер, молодец. А теперь — домой.

— Нет.

— Что, прости? — в мамином голосе послышались гневные нотки. — Я ослышалась?

— Я никуда не поеду. Теперь мой дом здесь.

— Ты хоть понимаешь, что твои слова — полная чушь? Да ты тут и неделю не выдержишь! Дом старый, вот-вот развалится. А готовить и убирать ты сама будешь? Вот этими своими белыми рученьками? Да ты даже не знаешь, как выглядит сырое мясо!

— Не надо делать из меня умственно отсталую, — Ким устало вздохнула. — Я справлюсь.

— А где ты деньги возьмешь, милочка? Или пойдешь работать? Кем?

— Деньги у меня есть.

— Неужели? Я заблокировала твои кредитки, дорогая. А бабушкины деньги ты сможешь использовать только после замужества.

— Драгоценности продам. Все равно я это не ношу.

Ким не стала говорить, что перед поездкой она успела снять кое-что со счета, где хранила все свои денежные подарки, в том числе и от матери. Счет открыла для нее в свое время

¹⁰ Синдром смены часовых поясов, временное расстройство сна и общего состояния, возникающее при быстром перелете через несколько часовых поясов.

бабушка и накладывать на него какие-либо ограничения не стала. Кимберли не видела смысла тратить эти накопления, ведь на мелкие расходы мать никогда не скупилась. Она же оплатила учебу.

— Так ты еще и ограбила меня?

— В каком смысле? Ты же сама дарила мне все эти бриллиантовые кольца и браслеты.

— Потому что не ожидала, что ты пойдешь с ними в ломбард!

— Хватит. И не надо за меня переживать. Пойду работать.

— Да что ты? И куда? Архитектором? Избалованная, своенравная и неблагодарная девчонка! Кому ты нужна в чужой стране?

— Я и не сомневалась в твоей поддержке, мамочка. Ты все сказала?

— Нет, минуточку! Я еще не закончила. Ты хоть понимаешь, какой ужасный пример подаешь Шерли? Ты же для нее образец для подражания. Хотя мне этого и не понять.

— У Шерли своя голова на плечах, и мозгов у нее больше, чем у нас с тобой, вместе взятых, так что за нее можешь не переживать. И если ты думаешь, что приехав сюда, сможешь что-нибудь изменить, то глубоко ошибаешься.

— Господи, да что я там забыла, в этой дикой стране, на этом грязном побережье? К тому же, у меня полно забот. Если хочешь остаться — твое право. Надеюсь, на совете директоров ты хотя бы в онлайн-формате поучаствуешь?

— А я должна? Мне это неинтересно!

— У тебя сорок девять процентов акций, и ты заявляешь, что тебе это неинтересно? Скорей бы уже что ли замуж вышла, может, твоему мужу будет это интересно.

— Даррену? — Кимберли едва не расхохоталась. — Ты, должно быть, шутишь.

— Надеюсь, ты помнишь, что церемония в сентябре? — Джилан сочла выше своего достоинства отвечать на последнюю реплику.

— Какая еще церемония?

— Благотворительный бал, который я открываю. Ты забыла?!

— Не волнуйся. На бал я, так уж и быть, выберусь. Если будут деньги на билет, — с ехидцей заключила девушка.

— Не теряю надежду, что ты все-таки одумаешься и вернешься домой, — затем вместо прощания трубку повесили. Вот и все. Поговорили. Впрочем, от мамы она ничего иного и не ожидала.

Вот черт, испортила настроение. И так ночь была не самой удачной...

А ведь она специально оставила мобильник и сим-карту в Дублине. Все равно вычислили. Лучше бы проклятый стационарный аппарат так и остался неподключенным, когда мамин агент в России хлопотал над восстановлением электричества и водоснабжения. Ким с остервенением закинула трубку в базу и пошла на кухню.

Кофеварка, естественно, сломана. Кто бы сомневался. Хорошо, что она захватила вчера в магазине банку растворимого кофе, хотя ни разу в жизни не пила такую гадость. Но без кофеина Кимберли вообще не сможет прийти в чувство.

Пока грелся чайник, девушка подошла к окну и распахнула створки, о чем тут же пожалела. А еще — об отсутствии в доме кондиционера. Живя в пригороде Дублина, она привыкла по утрам наслаждаться свежестью прохладного ветра, вдыхая аромат садовых роз и жимолости. А здесь на нее обрушилась адская жара, словно ее дом стоял в центре пустыни Сахары.

Все равно ей здесь лучше, чем рядом с миссис Дойл. Здесь она сама себе хозяйка, пусть хозяйство очень скромное. Ничего, вот скоро придут ее картины и кое-что из мелочей. Она не успела забрать все, но Шерли с помощью миссис О'Дэлли обещала прислать все, что нужно. А пока можно украсить дом цветами. Ну и разложить одежду, обувь, косметику. Проверить аптечку. Вчера у Ким на это просто физически не хватило сил.

Потянувшись к стопке бумаг для записок, Ким обозначила список следующих покупок. Первым делом надо было купить кофеварку, потому что пошло в ее чашке пить совершенно невозможно. Если так дело пойдет и дальше, денег ей надолго не хватит. Надо еще проверить, работает ли стиральная машина в гараже.

Ладно, у нее есть драгоценности и... обручальное кольцо. Если совсем поджимать будет, придется продать и его. Даррен, конечно, будет не в восторге, но как говорил Виктор: «кому сейчас легко»?

Кстати, о Даррене. Она забыла ему позвонить. А новый номер он до сих пор не знает. Переживает, наверно...

Торопливо набрав на трубке стационарного телефона заветные цифры, Ким замерла в ожидании ответа. Чертыхнувшись, поняла, что совсем ничего не знает о стоимости международных переговоров. Но звонок по мобильному скорее всего обойдется еще дороже.

— Здравствуйте. Вы позвонили Даррену Доннелли. Сейчас меня нет дома, но я не хочу пропустить ваш звонок. Оставьте пожалуйста свое сообщение после сигнала. Спасибо.

Любимый голос удалось послушать только на автоответчике. Чем же он так занят в выходной день, что даже не может ответить на звонок?

— Дарр, это Кимберли. Прости, что вчера не позвонила и заставила тебя волноваться, — или нет. — Я сейчас у Виктора, запиши мой новый домашний номер телефона. Пока еще не раздобыла местный смартфон. Буду рада услышать твой голос.

Теперь остается только ждать ответного звонка. А пока можно заняться неотложными домашними делами.

Проверив работоспособность стиральной машинки, Кимберли решила все-таки разориться на кофе-машину и хотя бы вентилятор. Кондиционер она вряд ли сейчас сможет осилить. Может быть позже, когда она устроится на работу. Только вот куда и кем? Только если официанткой или посудомойщицей. Она ведь даже готовить не умеет.

Она вообще ничего не умеет.

Переодевшись в летний сарафан, девушка подошла к зеркалу и тут же поморщилась, недовольная увиденным. От духоты щеки покраснели, и веснушки, рассыпанные по всему лицу, сразу бросались в глаза. Из-за этого все остальные недостатки, которые постоянно мерещились Кимберли, стали чуточку заметнее. Прямой скучный нос стал длиннее. Большой рот — больше, ничем не примечательные губы — бесформеннее. Карие глаза — еще уже. И еще эта проклятая щербинка в верхних передних зубах. Только копна густых темно-рыжих волос осталась без изменений. Видимо потому, что это всегда было поводом для гордости. Не считая привлекательной фигуры с соблазнительными (по словам Даррена) формами.

Завязав волосы в высокий хвост, чтобы не заставлять шею и спину потеть, хозяйка обулась и наконец вышла на свежий (ах, если бы!) воздух.

Шагая по улице и гоняя в мозгу мрачные мысли, Кимберли не сразу заметила, как у соседнего дома творится что-то странное. Какой-то парень прижимал темнокожую девушку к стене и кажется, ей это не нравилось.

По крайней мере, при любовных играх по согласию так сильно не брыкаются. Ким никогда не отличалась логическим мышлением, да еще и соображала в таких ситуациях задним числом. Потому, невзирая на риск, решила вмешаться.

— Эй! Я сейчас полицию вызову! Оставь ее в покое! — крикнула девушка, бросившись к странной парочке.

Гоповатого вида парень обернулся, скорчил зверскую рожу, и в его руке что-то блеснуло.

— О, нет... — Ким резко притормозила, но было поздно. Показалась кровь, и издалека ей показалось, что преступник перерезал горло своей жертве. Парень бросился наутек. Но жертва так просто не сдавалась.

— Ах ты козел! — в спину парню полетела ее сумочка, а сама девица прижимала ладонь к щеке. — Ты порезал меня, мудака!

— С тобой все в порядке? — Ким подбежала к ней и прикоснулась к плечу. — У тебя кровь, надо бы врачу показаться. Будет шрам.

— Да не переживай, жить буду. Он ладонь порезал, а на щеке просто отпечаток. Спасибо за вмешательство, — девушка приблизилась к своей сумке и подняла ее. — Вот урод, а! Ну, Дэн, тебе это так с рук не сойдет! — она погрозила вслед парню не тронутым кулаком и тут же осеклась.

Раздался скрип тормозов, грохот и чей-то визг. Ким проследила за взглядом девушки и ужаснулась. Незадачливого грабителя сбила машина. Но вроде не насмерть. По крайней мере руками пытается шевелить. Тут до нее дошло, что бывшая жертва ограбления, кажется, знала нападавшего...

— Он что, твой знакомый?

— Да. Бывший мой. Туда ему и дорога, сученок, — девушка презрительно скривила губы. — Хотел меня ограбить, идиот. Говорит, я ему должна. Видимо за то, что кормила его год, пока на моей шее сидел!

— Сейчас сюда приедет полиция. Мы вроде как свидетели ДТП, — растеряно протянула Ким. — Ни разу в таком не участвовала.

— Нетушки, ментов я ждать не буду. Там и так все ясно: неся как сайгак на красный, вот и влетел под капот. Еще и живой остался. Водителю нерву потреплют, конечно, куда без этого. Но в итоге даже не штрафанут, думаю.

— Но почему?

— Что — «почему»? У меня условка¹¹. Из-за этого козла, между прочим! Так что лучше будет, если вместе нас не увидят.

— Давай я поймаю тебе такси? Тебе нужно в больницу.

— Вот еще. Зачем? Как с Луны свалилась, ей-богу. Промыть да пластырем залепить.

— Шрам же останется. Рана вроде как глубокая.

— Фигня, — отмахнулась девушка.

— Позволь хотя бы помочь тебе. Я тут живу неподалеку. Обработаю рану.

— А ты, я смотрю, не боишься приглашать чужаков домой, — ухмыльнулась девушка. — Да еще и после таких откровений с моей стороны.

— Да у меня, по большому счету, и брать нечего, кроме сломанной кофеварки, — улыбнулась в ответ Ким. — Ну, так что?

— Уговорила, чертовка. Пойдем.

Быстро перебежав дорогу, девушки двинулись по направлению к переулку Магнолий. Когда впереди показался особняк соседей, незнакомка издала восхищенный возглас:

— Ты никак с Максом живешь? Я и не знала, что у него появилась постоянная девушка.

— Ты про мистера... ой... нет... гражданина Прохорова? Я его соседка.

— А-а-а, — протянула собеседница и окинула Кимберли удивленным взглядом. — Ты странно говоришь. Словно русский тебе не родной. Откуда приехала?

— Из Ирландии. Но русский знаю с детства. По... отцу...

— Ясно. Круто.

— А ты откуда? — Кимберли тоже не смогла сдержать любопытства. — В России, как правило, все темнокожие — это приезжие студенты.

¹¹ Условный срок.

Хотя у новой знакомой черты лица практически не уступали европейке: тонкий нос, аккуратные губы, высокие скулы, но шапка иссиня-черных кудряшек и смуглая кожа намекали на иностранное происхождение.

— Ха, — девушка улыбнулась. — Почти угадала. Папашка тут в универе учился. Из Эфиопии приехал. Встретил маму. Влюбился. И понеслось. Он, конечно, вернулся обратно. Но меня уже мамуле подарил. Такие дела. Кстати говоря, наша Бухта — вообще городок весьма интернациональный. Стой! Так это ты ночью к нам заявлялась?

— Ты была в этом доме ночью?

— Ага. В одной компании тусуемся.

— А я, если честно, хотела полицию вызывать.

— Ну, это вряд ли помогло бы. А вот твоя вежливая просьба сразила Максимку наповал. Он вырубил музон и заявил, что влюбился.

— А он забавный, — Ким пожала плечами, вставляя ключ в замочную скважину своей двери. — Но не в моем вкусе. Хотя, может кому-то и нравятся надутые индюки с непомерным самомнением и обесцвеченными волосами.

Девушка расхохоталась.

— Ты тоже ничего, смешная. Я, кстати, Алина.

— Кимберли. Очень приятно.

— Агась, и мне. Имя классное. Сразу видно — ирландское. А симпатный у тебя домишко! — гостя окинула оценивающим взглядом гостиную. — Мне нравится!

— Спасибо. Я вообще-то только вчера сюда въехала, но лучше этот разговор отложить на потом. Ты тут кровью потихоньку истекаешь.

— Ах да! — спохватилась девушка. — Даже странно, я и боли-то не чувствую.

— Так бывает от стресса. Садись здесь, я сейчас схожу за аптечкой.

Уже поднимаясь по лестнице, Ким вдруг подумала, что Алина и вправду может оказаться воровкой, и вечером хозяйка дома чего-нибудь не досчитается. Но потом сомнения улетучились. У новой знакомой было открытое, располагающее к себе лицо, веселые искорки прыгали в глазах, а улыбка была приятной. Впрочем, она все равно могла оказаться не чистой на руку. Да и слова про условный срок (если Ким правильно поняла сленг) нельзя сбрасывать со счетов. Но брать особо в этом доме действительно нечего, поэтому Кимберли снова успокоилась. Как ни билась Джилин, но паталогическую доверчивость из своей дочери выкорчевать не смогла.

Вернувшись с перекисью водорода, йодом, ватными дисками и бинтами к своей новой знакомой, Ким принялась обрабатывать ее рану. Алина стоически терпела, хотя тихонько шипела, словно недовольный котенок. А Кимберли все сильнее казалось, что без хирурга тут не обойтись.

— Алина, прости, но это придется зашивать. Рана глубокая.

— Ты шутишь, да? — девушка простонала, хватаясь здоровой рукой за голову. — В травмпункт я не поеду. А ну поймут, что рана ножевая? Вопросы, вопросы. Там работает дамочка такая противная, вечно лезет не в свои дела. Вдруг на нее попаду? Мне сейчас нельзя влипать в неприятности. Месяц остался до конца условки, е-мое! А Малли я задолжала уже...

— Кто такая Малли?

— Да приятельница одна, медсестрой в больнице работает. Она меня уже пару раз латала, спасибо Денису, уроду. Берет за услуги дорого, зараза.

— Если ты не можешь пойти в больницу, придется ехать к этой Малли, — резонно заметила Ким. — Боюсь, что без шитья начнется нагноение.

— Разбираешься в таких штучках? — Алина вздохнула. — Ладно. Слушай, а ничего, если я сюда ее позову? Она живет недалеко, а у тебя санитарные условия получше, чем у нее будут.

— Хорошо, без проблем... — тут даже у паталогической доверчивости что-то где-то ёкнуло. А ну как это заговор? Вдвоем с этой Малли пришьют хозяйку дома, а потом вынесут все, что можно будет. Спустя секунду доверчивость махнула рукой, отбиваясь от плохих мыслей. Глупости это все. И плохие полицейские сериалы, влияющие на психику.

Алина улыбнулась и тут же вытащила из сумки свой мобильный телефон.

— Малифисента¹²? Алина-сан беспокоит. Тащи свой зад на... Э-э-э, Ким, подскажи адресок, а?

— Переулок Магнолий, 11.

Алина послушно повторила адрес.

— И не вопи! Я тут кровью истекаю! Да знаю я, знаю... Ты сначала приди, а там рассчитаемся.

Пока девушки ожидали медсестру по имени Малли, Ким повела Алину на кухню, налила воды и соорудила сэндвич с зерновым хлебом и сырокопченой колбасой.

— Извини, больше ничем угостить не могу, — с виноватым видом опустила на стул хозяйка. — У меня даже холодильника нет.

— Да брось ты! Я, конечно, зверски голодна, но ты и не должна меня кормить. Я бы фиг пустила в дом незнакомую девушку, да еще общающуюся с такими дебилами, как придурок Дениска.

— Я привыкла доверять людям, — пожала плечами Ким. — Хотя мама говорит, что когда-нибудь это мне еще аукнется.

— Ну, ты доверяй, но проверяй. А если уж никому не верить, то впору вообще пойти и удавиться, я считаю. Так, я пожалуй поем после операции. А то что-то меня от предвкушения работы иглой тошнить начинает.

К моменту прибытия медсестры девушки уже общались, словно приятельницы. Кимберли очень нравилась ее новая знакомая. Алина была простоватой, но добродушной девушкой, смешливой и любящей острое словцо. Для Ким все это было в новинку, она ведь привыкла общаться с высшим обществом: людьми чванливыми и в большинстве своем пустыми.

— Я смотрю, обзаводишься новыми друзьями? — хмыкнула Малли, когда Ким открыла ей дверь. Девушка удивилась, но потом до нее дошло, что слова эти предназначались Алине, которая тоже вышла встретить гостью. Кимберли не удостоили даже взглядом.

Служащая больницы произвела на хозяйку дома неизгладимое впечатление цветом волос и интересным нарядом, который у Ким никак не вязался с работой в области медицины. На новой гостье была короткая ярко-синяя юбка, драные черные гетры до середины бедра, высокие ботинки цвета хаки и ассиметричная майка желтого оттенка под названием «вырви глаз». Прическа в стиле «маллет»¹³ радовала приятно-изумрудным цветом с фиолетовыми прожилками. Макияж тоже привлекал внимание, и в целом образ девушки был необычным, по крайней мере, для Кимберли. Чем-то она неуловимо напоминала ей Дэвида Боуи.

Малли подвела Алину под свет люстры и внимательно осмотрела рану. Неодобрительно цокнула языком и усадила ее на стул.

— Опять связалась со своим наркоманом?

— А ты опять попугаем прикидываешься?

— Вот и обменялись любезностями. Значит так, — девушка поставила на кухонный стол свой чемоданчик. — Рана не глубокая, и вообще фигня. Но лучше все-таки зашить, на всякий случай. Шов разойдется недели через две, может — раньше.

¹² Злая фея из сказки «Спящая Красавица». А так же главная героиня американского фэнтезийного фильма 2014 года.

¹³ Ассиметричная стрижка, для которой челку и волосы по бокам лица обстригают довольно коротко, а пряди на затылке оставляют длинными.

— Давай уже шей, — буркнула Алина. — Только не забудь уколоть чем-нибудь сначала. В прошлый раз наживую кромсала!

— Хозяин — барин. Расценки ты знаешь.

— Стервоза... Кстати, вот эта добрая гражданка, пустившая меня на постой — Кимберли. Она из Ирландии. А это Милана. Но мы зовем ее Малли. Так ей больше нравится. Она местная.

— Да как скажешь, — буркнула медсестра-панк, даже не поднимая глаз на хозяйку дома.

Ким на время оставила их одних и вышла, боясь, как бы ей не стало плохо. Вид крови она не очень хорошо переносила еще с детства, хотя никаких предпосылок к такой брезгливости не было. Брата она не видела после аварии, хоронили его в закрытом гробу, а у бабушки травма была скорее внутренняя, чем внешняя. А на похоронах Виктора она и вовсе отсутствовала.

Может быть, подсознание хранило какую-то давно забытую информацию, но она никогда сильно не задумывалась над этим. Ей просто не нравилась кровь: ее вид и густой запах. Да, особенно запах.

И если сначала, порываясь помочь Алине, она сдерживала свою фобию, то теперь, представляя процесс наложения шва, едва не рассталась с завтраком.

Из кухни послышались возмущенные возгласы, сдабриваемые отборной бранью. Видимо, Малли так и не удосужилась обезболить свою пациентку.

Расположившись на диване в гостиной, Ким задумалась о новых знакомствах. Таких людей, как Малли и Алина, она встречает впервые в жизни.

Джилин всегда очень тщательно относилась к выбору приятелей и знакомых, и даже друзья Кимберли прошли через фильтрацию. В общем-то именно поэтому у Кимберли нет подруг. Ни одна из приятельниц по колледжу не заслужила, по мнению Джилин, должного внимания. Она и Даррена недолюбливала, но у девушки на этот раз хватило смелости отстоять свои симпатии.

Вспомнив мать, Кимберли усмехнулась. Ее бы удар хватил, узнай она, кто в гостях у ее дочери.

Когда споры в комнате стали совсем уж громкими, Ким решила вмешаться.

— Пятьсот рублей?! Ты сдурела, что ли? — вопила что есть мочи Алина.

— Это ты сдурела, если думаешь, что я простила тебе прошлый долг. Ты обещала рассчитаться.

— Милана, у меня сейчас таких денег нет, — буркнула сразу присмиревшая девушка. — Подождешь до следующей недели? Я зарплату получу.

— Я твоими завтраками сыта по горло! — рявкнула в ответ Малли. — А ведь я сказала тебе, что за тобой должок, перед тем как сюда приехать. Что ж ты сразу не сказала, что денег нет?

— А ты тогда послала б меня куда подальше, — возразила Алиша, пожав плечами. — Что мне теперь, кровью истечь?

— Ой, хватит заливать. И кому, главное. Кровью истекала она.

— Еще подруга называется.

— Алина, я тоже не Рокфеллер. И в отличие от некоторых, с работы ничего не тащу. Я все эти расходники ПОКУПАЮ. Дружба дружбой, но кушать тоже иногда надо.

Кимберли, послушав перебранку, вышла вперед:

— Девушки, прошу вас, успокойтесь, — она постаралась улыбнуться как можно дружелюбнее, но оторопела, когда на нее уставились две пары злобных глаз. Видимо, они забыли, что кроме них тут еще и хозяйка дома есть вообще-то.

— Ты вообще кто такая? — спросила Малли. Ким опешила еще больше.

— Я здесь живу. Кимберли. Алина нас представила пятнадцать минут назад.

— А...

— Ким, прости нас, — подала голос Алина. — Сейчас мы уйдем и продолжим свои разборки на улице.

— Я могу заплатить за эту процедуру, — против своей воли выдала Ким и тут же попеняла своему глупому языку.

Новые знакомые посмотрели на нее как на умалишенную. Малли по всей видимости едва удержалась, чтобы не покрутить пальцем у виска. Но, переглянувшись, девушки промолчали.

Кимберли, сочтя молчание знаком согласия, поднялась в спальню за кошельком. И уже доставая обещанную купюру, пожалела о сказанном. У нее сейчас весь капитал составляет пятьдесят тысяч рублей. Из которых половину придется отдать магазину техники в ближайшие несколько дней. А потом чем прикажете питаться? Хлебом и водой?

Но обещание есть обещание. Не пытками же ее вынудили это сделать. Вернувшись к лестнице, замерла на верхней площадке, услышав, о чем ведется внизу разговор.

— Ты давно ее знаешь?

— Только что познакомились.

— Странная она какая-то. И даже заплатить готова.

— И что?

— Тебя всегда тянет к темным личностям. Малахольная девица какая-то.

— Ой, кто бы говорил. Да ладно, я и не собираюсь у нее деньги брать. Мало ли что взамен потребует. Может, человека убить там... Заеду к матери, возьму в долг. И переведу тебе сразу. Обещаю. А хочешь, со мной поехали. Она как раз на селедку под шубой зазывала.

— Ладно, проехали, — махнула рукой Малли. — Что с тебя взять, вечно ты на мели. Но с тебя крутой подарок на днюху.

— Это я запросто!

— Пойдем потихоньку, пока не вернулась.

— Ага.

Через пару минут входная дверь хлопнула, и Кимберли осталась одна, сжимая в руке злосчастную купюру. Ну почему всегда так получается? Хочешь сделать добро, а тебя им же и попрекают. Девушка почувствовала себя оплеванной. Впрочем, а чего она ждала? Ее поведение действительно выглядело подозрительно. Одолжить денег едва знакомой девушке, да еще и такой сомнительной, — это ж надо было додуматься! Так ведь она и сама не ожидала от себя такой реакции. Захотелось чем-то помочь. Алина была ей симпатична. И очень жаль, что их знакомство прервалось на такой вот ноте.

Плюхнувшись на стул, который до этого занимала раненая гостья, Ким впилась зубами в бутерброд, так и не тронутый Алиной.

Масла в огонь добавил еще Даррен, не соизволивший до сих пор позвонить ей. Хотя, может он еще не проверял автоответчик. Или вообще уехал из города. Ага, уехал, а мобильный взял и вот так запросто оставил дома. Глупости. Ким задумчиво покрутила колечко на безымянном пальце левой руки. Что-то подсказывало ей, что не в занятости дело.

4. Путь к сердцу женщины лежит...

Когда нет возможности порадовать желудок чем-нибудь эдаким, он почему-то сразу начинает напоминать о себе в весьма требовательной форме. Устрицы под лимонным соусом, ароматное ирландское рагу, поджаренный бифштекс с зеленью, утка по-пекински, густой суп-пюре из шампиньонов, свежие с пылу-с жару боксти¹⁴...

Ким любила покушать, и сейчас воспоминания об удивительно вкусных блюдах миссис О'Дэлли будоражили мысли. И не только мысли...

Нет, Кимберли, никогда не считала себя придатком к желудку, но две недели питаться сырыми овощами и фруктами — это ж любого мясоеда выведет из себя! А еще все это дело имело неприятное свойство быстро заканчиваться в самый неподходящий момент.

Вот и сегодня утром после пробежки девушка залезла в кухонный шкафчик за минеральной водой и вдруг с удивлением осознала, что нужно опять идти в магазин.

Раньше она не задумывалась над тем, что за продуктами их домоправительница ездила чуть ли не ежедневно. Оказывается, даже если живешь одна, съестные припасы имеют обыкновение заканчиваться чертовски быстро.

Ким поймала себя на чувстве ненависти к несчастному шкафчику и с ожесточением хлопнула дверцей. Конечно, бедный предмет мебели ни в чем не виноват, но надо же было на ком-нибудь выместить злость за невозможность насладиться хорошо прожаренным стейком.

Казалось бы, в чем проблема? Пошел — купил — приготовил. Но нет... Для Кимберли это было равносильно кругосветному путешествию вплавь. Кролем. Или брассом. Да хоть на надувном матрасе.

Позавчера девушка отважилась на отчаянный поступок: приготовила на ужин омлет с помидорами и болгарским перцем. Задумка была восхитительно чудесной, но реальность оказалась грустной и неказистой. Через несколько минут новоиспеченная повариха разочарованно рассматривала нечто, внизу сгоревшее до черноты, а сверху украшенное сырой и малосъедобной на вид массой. Коротать вечер пришлось с сырой морковкой, которая не поддалась терке, но позволила нарезать себя колечками.

Стыд и позор. Ей уже двадцать пять лет, а она даже элементарное блюдо приготовить не может. Хотя, возможно, тут имело место ее подсознание, которое оказывало психологическое давление на все ее кулинарные попытки. Она изначально готовилась к тому, что ничего не получится — только переведет продукты или вообще отравится. И признаться, не лежала у Кимберли душа к готовке. Совсем не лежала. Наверное, не перевелась еще порода людей, которые даже заваривая обыкновенный черный чай через десять минут получают ужасное на вкус пойло.

Вчера, когда душа поэта окончательно не выдержала сыроедства, Ким отправилась на разведку в местные кормушки, представленные большей частью кавказскими кафе, псевдо-итальянскими пиццериями, «гамбургерными» закусочными. Не совсем то, чего бы ей хотелось. Но более того, что мог позволить себе ее тощий кошелек. Так что пока что она находилась в поисках приемлемой недорогой столовой, как их тут называли.

Грызая последнее яблоко, девушка снова вспомнила блюда, любовно приготовленные их домоправительницей или не столь душевно, но не менее вкусно, Дарреном.

Впустив в сознание мысль о женихе, Кимберли погрузилась еще сильнее и без сил опустилась на стул. Он ведь так и не позвонил и не отписался в мессенджерах. А ведь она уже несколько дней как обзавелась новым телефоном, номером и прилагающимся к нему мобильным интернетом. О чем и не преминула сообщить автоответчику жениха сразу же после

¹⁴ Ирландские картофельные драники.

покупки. И все бы ничего, но она хотела услышать голос знакомого ей человека, а не равнодушно-холодное «всего доброго» продавца-кассира в супермаркете.

Кстати о супермаркетах. Придется ей зайти сегодня еще и в книжный отдел. За кулинарными знаниями.

В магазине все как обычно. То же освещение, похожее на больничные лампы, те же равнодушно-презрительные улыбки продавцов, те же люди, деловито сверяющие лежащие в тележках покупки с длинными списками.

У Ким списка не было. Составление такого перечня ей всегда казалось пустой тратой времени. Гораздо проще, на ее взгляд, прийти, увидеть, захотеть, купить. Вот и вся цепочка. То, что при таком подходе ее расходы неизменно увеличатся, ее пока не волновало.

Кинув в корзинку парочку полуфабрикатов, которые всего-то надо было разогреть в микроволновке, Ким задумчиво повертела в руках упаковку пиццы легкой заморозки и отправила туда же. Вспомнила, что хранить негде, вернула все обратно, кроме пиццы. Повернулась, чтобы идти к кассе, и наткнулась на витрину со свежим мясом. Не замороженным, а судя по всему, только что порубленным. Да... Кто бы мог подумать, что вот эта сырая масса может стать вкусным шницелем, эскалопом, бифштексом или даже Бёф бургиньоном. Все эти ласкающие слух названия сразу всплыли в мыслях Ким, хотя как именно готовится то или иное блюдо, она не знала. Девушка вздохнула и заспешила прочь от витрины.

От грустных мыслей ее отвлекла громкая раздражающая мелодия. Ким нащупала в сумочке мобильный телефон, и пальцы тут же судорожно вцепились в него. Она была сейчас рада даже голосу матери.

— Кимберли, дорогая! — раздался в ответ на ее «Алло» хриловатый, такой родной голос. Вернее, это раньше он был родным. А сейчас Ким была слишком обижена на его обладателя. — Как ты?

— Привет, Дарр, — спокойствие далось ей с трудом.

— Как ты там обустроилась? Извини, что не позвонил раньше, столько дел навалилось... — что он дальше говорил, Ким уже не слушала.

Обида поглотила ее всю и без остатка. К чему все эти глупые оправдания? Она не слышит и капли раскаяния в его голосе. Или она просто за две недели отвыкла от английского языка?

— Я соскучился.

— Я тоже, — на автопилоте согласилась Кимберли и тут же поймала себя на мысли: ничего подобного!

— Когда мы увидимся?

— Когда ты сможешь ко мне приехать?

Смартфон обдал оглушающим молчанием. Кимберли даже отодвинула его от уха, чтобы проверить, не пропала ли сеть. Не пропала. А вот Даррен — возможно. Спустя пару секунд собеседник опомнился и, откашлявшись, произнес:

— Я имел в виду твой приезд в Дублин.

— Ах это... Планирую заскочить на благотворительный бал матери.

— Это же в сентябре! Кимберли, это уже не смешно. Ты всерьез решила обживать эту... эту... деревню?

— Виктор же смог. А я чем хуже?

— Это на тебя не похоже. Ты вообще так изменилась в последнее время, — обиженным тоном заключил мужчина. — Споришь, упираешься...

— Просто взрослею. Надоело быть марионеткой в маминых руках.

— Ну, с Джилин тебе не тягаться. Она все равно найдет способ вернуть тебя обратно. Ты нужна ей.

— Надеюсь, ты не станешь ей помогать в этом?

— Даже не собирался, — заявил Даррен. — Все-таки чем ты там так сильно занята, что не сможешь на пару дней прилететь?

Кимберли едва не задохнулась от возмущения. Он что, решил, будто она вынесла все ценности из семейного сейфа? Или что стоимость путешествия из одной страны в другую через полмира сравнима с оплатой за аренду велосипеда на час?

Но разжевывать ему все это, а тем более жаловаться на безденежье она не стала. Еще чего доброго подумает, что она пытается выпросить у него деньги.

— Тем же, чем был занят и ты, не сумевший найти для меня хотя бы минуты за эти две недели.

— Прошу, давай обойдемся без глупых детских обид. А еще утверждаешь, что повзрослела. Мне пора. Через двадцать минут слушанье дела, а я еще даже до здания суда не добрался. Целую, пока.

Ким, кинув телефон обратно в сумочку, с удивлением ощутила, как у нее затряслись пальцы. От обиды? Разочарования? Лучше бы он и вовсе не звонил. Такое ощущение, что она для него ничего не значит.

Хотя, если быть честной, такие мысли у Кимберли возникали уже давно. А в последнее время все чаще и чаще. Но она никак не могла решиться вызвать Даррена на откровенный разговор. Да и не время сейчас рвать одну из последних ниточек, связывающих ее с домом.

Джилин будет счастлива, если они расстанутся. Ее мать будущего зятя терпеть не могла, и не собиралась это скрывать. Хотя, вряд ли теперь дело дойдет до их брака. Уж теперь-то Ким в этом уверена.

Что ж, если рутина ее не убьет окончательно, она привыкнет. Должна привыкнуть. Тяжело вздохнув, Ким перехватила поудобнее ручку тележки с покупками и засеменила к кассе. Девушка-кассир приветливо улыбнулась и кивнула ей, словно давней знакомой. И почему-то от этого дружеского жеста на сердце Кимберли стало теплее. Она улыбнулась в ответ и принялась раскладывать продукты на ленту.

Пока девушка раскладывала в шкафчике покупки, ей пришла в голову одна очень невеселая мысль. Несмотря на переезд ее жизнь в сущности не изменилась — все такая же серая, скучная и пустая. Да, убрали внешний лоск, роскошь, и что осталось? Все та же маленькая Ким со своими глупыми ничтожными мечтами. Возможно, это просто ломка. Из-за смены обстановки и окружения. Разум настойчиво кричит о том, что зря она все это затеяла, что ничего из этого не выйдет. Все равно она пойдет на попятный и уступит, вернется домой. И разуму плевать на то, что сердце давно хранило крохотную надежду на побег. А сейчас сердце молчит. Уснуло, наверное.

5. Работа — не волк

*Ты умело пользуешься ими,
Своими невинными глазами.
Ты носишь удивительную маску,
И мне это нравится (пер. с англ.).*

Roxette — «The center of my heart»

— Алло. ООО «Метизы». Слушаю. Нет, генеральный директор сейчас на встрече. Представьте пожалуйста, и он вам перезвонит.

И так полдня. Ким вздохнула и потерла виски ладонями. Голова просто раскалывалась. Глава компании Веселов вечно мотался по командировкам, а его заместитель Майоров появлялся на работе раз в день, ближе к вечеру, как пояснила Катя, менеджер по продажам.

Фирма была мелкой и не хватающей звезд с неба, видимо директорам вполне хватало их небольшой прибыли. Занимались граждане Веселов и Майоров перепродажей металлических изделий в виде крепежа. Веселов, высокий, тощий и заносчивый, и Майоров, маленький, круглый и болтливый до неприличия, составляли потрясающе гармоничную пару.

Потрясающе раздражающую пару они составляли тоже.

Условия работы были самыми обычными. С десяти утра до пяти вечера и никакого дресс-кода. А вот заработная плата просто вызывала смех. Сквозь слезы. Хотя, ей ли судить?

Вообще Ким не собиралась устраиваться именно сюда. Но просиживание штанов в четырех домашних стенах ей уже претило. Теперь она просиживала хлопчатобумажные штаны и юбки в четырех стенах на улице Романтиков. И уже тихо ненавидела свое рабочее место, своих коллег и обоих начальников.

А случилось это вот как: однажды, просматривая со скуки сайты с объявлениями, наткнулась на вакансию офис-менеджера. Позвонила, сама не зная почему. И ее пригласили на собеседование, а уже на следующий день она должна была исполнять свои служебные задания. В принципе, работа не пыльная. В обязанности Ким входили звонки, обеспечение жизнедеятельности офиса и роль печатной машинки. Ничего сверхсложного. Но до чего же скучным все это было! До зубного скрежета.

Маленькая душная комната, в которой ютились шестеро сотрудников, отсутствие кондиционера, постоянный шум машин за окном и полудохлый кактус на столе. Все это выводило Ким из себя. Она не привыкла, чтобы ею командовали. Кроме матери, конечно. И девушка раньше не знала, что это такое — заниматься целый день монотонным делом.

Тем не менее кое-как две недели она отработала. И сегодня после обеда Кимберли с радостью подумала о том, что завтра — суббота, а значит, целых два дня она будет сама себе хозяйка. И даже тот факт, что она опять проведет эти дни в одиночестве, не умалял ее счастья.

— Душенька, — к ее столу подошел Веселов. — Сегодня придется задержаться. У меня встреча в половину шестого, нужно сделать чай, кофе... Ну, ты понимаешь. Можно еще каких-нибудь сладостей прикупить...

Ким едва не задохнулась от возмущения. Чтобы она, Кимберли Дойл, подавала чай! Да еще и продуктами офис обеспечивала!

— Ну, что глаза таращишь? Что-то не так? Задание не нравится?

— Нет, все в порядке, Олег Васильевич. К назначенному времени все будет готово.

— Ну вот и славненько, душенька.

Когда босс покинул кабинет, Ким задумалась, глубоко и надолго. Неприятно кольнула мысль, что все-таки она — сноб. Да еще какой. Действительно, почему это великая Кимберли Дойл должна подносить кому-то чай? Хотя, она вовсе не Дойл, а очень даже Платонова. Мать

восприняла смену фамилии как личное предательство, а Ким лишь хотелось, чтобы в ней видели просто человека, а не наследницу империи.

Потянувшись за чистым листом бумаги, девушка приняла твердое решение. Нет, она не сноб. И такая работа вовсе не унижает ее. Просто эти люди ей неприятны. Ей душно здесь. Стены вот-вот раздавят, и плюс ко всему она задохнется. Странно, конечно, что она только сейчас поняла: нужно уйти. Видимо, слова шефа, особенно это снисходительное «душенька» к этому подтолкнули. Тем не менее сегодняшние обязанности она выполнит до конца. А перед уходом домой с милой улыбкой протянет начальнику заявление.

Это не ее место. Ну и пусть понадобилось двенадцать дней, чтобы она это осознала. Дни — не месяцы, и уж тем более не года. Она не в преклонном возрасте, чтобы жалеть о каждой утраченной впустую минуте.

Сбегав в магазинчик неподалеку от офиса, Кимберли купила печенье, конфеты и в ожидании вызова от шефа устроила генеральную уборку своему рабочему месту. Чтобы человеку, который придет на ее замену, было приятно тут работать. Вряд ли вечно занятые то работой, то компьютерными играми сотрудники захотят сделать это за нее.

Когда горячий кофе был разлит по симпатичным чашечкам и отнесен в кабинет босса, и тот со словами «Ты свободна» кивнул ей, девушка протянула листок с заявлением. Шеф даже вида не подал, что удивлен. Повторно кивнув, пробежал текст глазами и убрал в свой стол.

— В понедельник зайди за зарплатой, — спокойно сказал он. — Лучше после обеда, но если меня все-таки не будет в офисе, обратишься в бухгалтерию.

И у Ким мелькнуло подозрение, что текучка кадров здесь — не редкость. Жаль лишь, что у начальства не хватает ума смекнуть — что-то надо менять, иначе эта история будет повторяться бесконечно.

Тем не менее, выйдя на улицу и вдохнув полной грудью свежего воздуха, Ким тут же забыла и о работе, и о своих незадачливых начальниках. Все, теперь она свободна! Нет, новое место она конечно же будет искать и не оставит попыток найти то, что придется ей по душе, но сейчас, когда первый неудачный опыт позади, она чувствовала себя счастливой.

Автобуса на этот раз долго ждать не пришлось, но когда до дома оставалась пара кварталов, пассажиры вместе с водителем встряли в пробку, да такую, что попасть домой раньше восьми вечера получится едва ли. Машины почти не двигались, а чернеющее небо грозило проливным дождем, если не грозой, поэтому мало кто решился пройти оставшийся путь пешком.

Кимберли все же рискнула. Кинув быстрый взгляд за окно, подумала, что успеет добежать. Но ее надежды не оправдались. Буквально через пару секунд ей на нос упала первая капля. Порывшись в сумке, девушка вытащила зонтик, но еще через минуту пришлось признать — он не поможет. Ибо первая капля привела за собой целое войско из своих собратьев. И эта армия грозила испортить дорожную блузку от Валентино Гаравани (единственная ценная вещь, которую удалось умыкнуть из ирландского гардероба), а от зонтика толку никакого.

В отчаянии покрутив головой, Ким заметила на противоположной стороне улицы небольшой ресторанчик с итальянским названием «Quattro stagioni» (то бишь «Четыре сезона») и ринулась туда, невзирая на отчаянно горевший красным светофор. Кое-кто из водителей погнался за ней, но эти звуки прозвучали как-то скромно. Да и смысла в них не было. Все равно стоять им тут на месте чуть ли не до ночи.

Очутившись в помещении, Ким с облегчением вздохнула, стряхнула с зонта капли воды и прошла к столикам. Здесь было весьма уютно и пахло на удивление приятно.

Не успела она сесть, как около ее столика появился, словно чертик из табакерки, симпатичный официант с дежурной, но такой приятной улыбкой на лице. Ким улыбнулась в ответ. Хотя, тому способствовала его внешность — загорелый брюнет с карими выразительными глазами и идеально симметричными чертами лица.

— Buonasera, signora¹⁵. Добро пожаловать в «Четыре сезона».

— Здравствуйте. Надеюсь, вечер сегодня действительно станет добрым...

Улыбка официанта стала еще шире.

— Когда вы отведаете наше чудесное ризотто, тучи над городом разойдутся, — уже на русском произнес он, протягивая меню и винную карту. — Я подойду к вам через пять минут.

— Хорошо, постараюсь к этому времени определиться с заказом, — покивала головой Ким и открыла меню. И сразу же почувствовала, как к ней возвращается радость бытия. Наконец-то она отведала что-то изысканное. Хотя, возможно, предчувствия обманут, но надежда умирает последней.

Еще не истекло отпущенное официантом время, а Ким уже выбрала.

— Что будете заказывать, синьора? — официант подошел сразу же, увидев, что она откладывает меню.

— Пока еще синьорина. Будьте добры, принесите равиоли с креветками. Пожалуй, возьму еще ваше чудное ризотто по-милански.

— Напитки?

— Совиньон Блан, а на десерт — тирамису, и латте макиато.

— Прекрасный выбор, — парень едва заметно поклонился и, забрав из ее рук меню, отправился в сторону кухни.

Через пару минут снова очутился рядом с ней, ставя на столик бокал с вином и воровато оглядываясь в сторону кухни. Ким удивилась, но, конечно же, комментировать не стала.

Но только она пригубила напиток, как на кухне послышался грохот бьющейся посуды, вслед за ним — проклятия, и кто-то с хриплым голосом завопил так, что слышно было даже на улице:

— Марк! Опять по залу шляешься? А готовить кто будет?! — дальше Ким уже постаралась не вслушиваться, ибо последовала отборнейшая брань.

— Miscusi¹⁶, — около ее стола снова словно из-под земли вырос официант.

— Все нормально, — через силу улыбнулась Ким. — Просто принесите мой заказ, договорились?

Парень смущенно кивнул и ретировался. Девушка сделала еще один глоток вина и задумалась. Нет, не о симпатичном официанте-поваре, прислуживающем ей за столом. О матери. Почему-то вдруг ей вспомнилось, что мать за этот месяц так и не позвонила. Сама Ким тоже не решалась. Для нее снятие трубки и набор номера Джилин означали бы первые шаги к полной капитуляции. Но неужели матери неинтересно, что с ее дочерью?

Конечно, их последний разговор был далек от приятной беседы. Между ними уже давно была протянута нить отчуждения и непонимания. Но когда Ким долго не виделась с матерью, начинала скучать. И так было всегда. Даже во время учебы в колледже, когда нет времени буквально ни на что, Ким умудрялась тосковать по дому.

Можно было бы конечно позвонить самой, но Ким не могла решиться. Хвастаться ей пока нечем. Работу потеряла. Ни друзей, ни подруг. Дом, который вот-вот рассыплется на глазах. И жених, затерявшийся где-то в Дублине.

Даррен, конечно, звонил. Раз в две недели. И разговор велся таким тоном, словно он делает Кимберли великое одолжение. И ей настолько стали противны эти беседы, что во время последней она просто повесила трубку, не дождавшись прощания. И с тех пор — тишина. Ну и слава Богу. Наверное.

Официант принес заказ, и Ким отвлеклась от негативных мыслей. Надолго. Несмотря на странности персонала, готовили тут отменно.

¹⁵ Добрый вечер, синьора (итал.).

¹⁶ Извините (итал.).

Каждое блюдо оказалось восхитительно вкусным, и девушка едва удержалась от соблазна повторить заказ. Десерт вообще заставил ее забыть свое имя.

На целых полчаса Ким выпала из реальности. Теперь она благодарила дождь за его внезапность. Иначе она могла полжизни провести в городе, а рестораник этот не заметить. Она уже для себя решила, что обязательно вернется сюда.

Счет ее тоже приятно удивил. Однако, это место становится ее фаворитом! Если она так и не научится правильно держать в руках кастрюлю, здесь ей не дадут умереть от голода. Конечно, девушка постарается хоть чему-нибудь научиться, но ничего не обещает.

Дождь кончился так же резво, как и начался. И даже серая плитка тротуаров успела высохнуть, пока Ким наслаждалась своим маленьким грешком — чревоугодием. Кинув взгляд на часы, девушка удивленно вскинула брови. Она провела в ресторане без малого полтора часа! Неудивительно, что от непогоды не осталось и следа...

— Девушка, извините! — окликнули ее сзади. Ким обернулась и столкнулась взглядом с официантом из ресторана.

— Да? Я что-то забыла у вас в заведении?

— Да, представьте себе, — парень уже догнал ее и лучезарно улыбнулся. — Вы забыли оставить свой номер телефона.

— Простите? — пролепетала ошарашенная Ким.

— Не волнуйтесь, я не настаиваю. Но если не возражаете, я вас немного провожу.

— А у вас не будет проблем с работой? Кажется, ваше начальство и так вами не сильно довольно.

— Ерунда! Мне разрешают все, ведь у меня руки от Бога.

Ким улыбнулась. Очень милая, пусть и слегка вызывающая реклама самого себя.

— И в чем же это выражается? — и себя она тоже перестала узнавать. Вот спрашивается, зачем ей это знакомство? У нее так-то жених имеется.

— Я прекрасно готовлю, но к сожалению, поварам чаевых не платят, поэтому иногда я выхожу в зал.

— Хвастаетесь?

— Вы очень симпатичная, — с лукавыми искорками в глазах невпопад заявил парень. — Мой рабочий день на сегодня закончился. У нас инвентаризация, поэтому ресторан закрылся сразу после вашего ухода. Так что можете за мое рабочее место не переживать. Кстати говоря, я — Марк.

— Кимберли, — совершенно машинально ответила девушка. Что она делает?!

— Какое чудесное имя. Явно иностранное. Откуда вы?

— Издалека.

— Ясно, для таких подробностей нужно более близкое знакомство. Итак, какие у нас планы?

— У нас? Боюсь, что никаких, — покачала головой Ким. — Я возвращаюсь с работы, и если честно, сил на что-то другое уже нет.

— А на выходных? Завтра, правда, моя смена, но мы можем увидеться в воскресенье.

Ким растерялась. Но раз не хватило духу отказать сразу, значит ли это, что у молодого человека есть шанс? Конечно, так резко начинать общение она не привыкла. Но уж очень ей льстило внимание этого парня. А сам он был очень привлекательным, особенно эта его нагловатая самоуверенность. К тому же, было бы неплохо обзавестись новыми знакомствами в этом городе. А Даррен? Нет, она же не собирается крутить роман с этим официантом. Даррен — это любовь, но никто не отменял ее право иметь друзей и приятелей.

— В воскресенье я в принципе свободна.

Да и в понедельник теперь — тоже. Работы больше нет, и когда она появится, неизвестно. Марк проводил ее до самого дома, при виде которого, кстати, у него подозрительно округли-

лись глаза. Но парень промолчал. Ким отметила про себя, что Виктора здесь знали, похоже, многие. Что ж, это упрощает ее задачу.

У порога состоялся обмен телефонными номерами, и новые знакомые попрощались друг с другом до воскресенья. У Ким, несмотря на увольнение, настроение было позитивным. То ли из-за знакомства, то ли из-за предвкушения чего-то интересного.

6. Друг познается в еде

Раз уж в понедельник планируется незначительное финансовое пополнение, Кимберли решила в субботу потратить кое-что из запасов и приобрести наконец холодильник. А заодно — новую подушку, плед и постельное белье.

Если с бельем и несколькими мелочами для украшения обстановки дела обстояли отлично, то с холодильником пришлось повозиться. Девушка долго и придирчиво выбирала нужный агрегат. И даже привлечение в помощь местного консультанта ситуацию не ускорило.

Зато когда консультант наконец вывел ее на чистую воду и выпытал, что в соотношении «цена — качество» для покупательницы важнее цена, дело пошло на лад.

Когда Ким отправилась на кассу, консультант с облегчением выдохнул.

Оплатив товар и доставку на дом, Ким отправилась дальше. Следующая остановка — продуктовый магазин. Сегодня отличное настроение, и девушке внезапно захотелось приготовить спагетти. Ну а что? Кидаешь макароны в воду, потом заливаешь их томатной пастой. Это если без прикрас. Ну, для первого собственноручно приготовленного блюда должно сойти. Для первого удачного, имеется в виду. Если конечно макароны не превратятся в клейкую сплошную массу, которую будет невозможно не то, что есть, но даже нанизать на вилку. Но она должна постараться. Пора брать себя в руки и учиться, учиться, учиться...

Перед тем, как добраться до макаронных изделий, Ким затормозила у полки с сухими готовыми завтраками. Все ж хлопья полезней, чем бутерброды с сырокопченой колбасой и полусырым беконом.

— Кимберли! — раздалось из соседнего ряда. Девушка вздрогнула от неожиданности, хотя женский голос показался ей смутно знакомым. Как оказалось, это ее недавняя знакомая, Алина.

— Как делишки? — приветливо улыбнулась темнокожая девушка. — Приветик.

— Добрый день. Все хорошо, спасибо, — кивнула Ким.

— Как же хорошо, что я тебя встретила. Хотела извиниться за наше с Малли идиотское поведение...

— Ты ведь знаешь, где я живу. Могла бы зайти.

— Не могла. Мне было стыдно, — понуро сообщила девушка.

— Не стоит. Все нормально, — Кимберли хотела уже пройти мимо Алины к кассе, но не тут-то было.

— Нет, думаю — стоит! — возразила Алина, останавливая ее. — Прости нас. Seriously. Малли вообще чокнутая, еще и меня завела. А я должна была сказать тебе «спасибо».

— Ничего страшного, — Ким наконец сменила гнев на милость и улыбнулась. — Все забыто.

— Теперь и я вижу, что забыто, — фыркнула Алина. — А то надулась, как мышь на крупу. Ну, рассказывай, как дела, чем занималась все это время?

Девушки пошли вместе по рядам, мимоходом разглядывая полки и болтая о пустяках. Ким неожиданно для себя очень обрадовалась этой встрече. Алина ей понравилась при их шапочном знакомстве, и ей было жаль, что все закончилось не лучшим образом. Друзья-приятели нужны ей сейчас, как никогда. Только это и помогает освоиться в новом городе, на новом месте жительства. Есть конечно люди, которые даже на необитаемом острове будут себя ощущать счастливыми до небес. Но Ким к таким не относилась. Бывали дни, когда ей хотелось побыть одной, когда одиночество казалось жизненно необходимо. Но такое настроение обычно длилось недолго.

— Как твоя ладонь? — поинтересовалась девушка у Алины.

— Ой, Малли всегда знатно латает. Да и вообще она — хороший человек и друг, просто иногда строит из себя невесть что. Да, у нее есть заскоки, но у кого их нет? Каждый человек немножко чокнутый. Кто-то больше, кто-то меньше. А иначе и неинтересно жить.

— Я против Миланы ничего не имею. И ваша реакция на мое предложение помощи мне вполне понятна. Просто я не привыкла, чтобы реакцию эту проявляли подобным образом.

— Ну, мы-то люди простые. Что-то мне содержимое твоей тележки совсем не нравится. Ты часом не веган?

— Кто?

— Ну, вегетарианка! Хотя, подожди. Это разные вещи. Веганы вроде даже молоко не пьют. Тоже психи.

— Нет. Я люблю мясные блюда и рыбу. Просто не умею все это готовить.

— Да ты что! — ахнула Алина. — Ну, а омлет что же? Или те же спагетти с фаршем и томатами? Их готовить-то — раз плюнуть!

— Ты телепат? — улыбнулась Кимберли. — Я как раз думала об этом. Надеюсь, уж с макаронами у меня проблем не возникнет.

— Да не должно... Хотя, не знаю. Если руки растут сама понимаешь откуда, то можно запороть все на свете. Слушай, может тебе помочь? Давай я научу тебя чему-нибудь простенькому.

— Я не против. Если у тебя нет других планов на вечер...

— Ты не подумай чего, просто... Скажу правду — я разругалась в пух и прах со своим Ромкой, и домой меня не тянет. Да и ему нужно время, чтобы остыть. А то он парень горячий, может и шваркнуть. Ни разу такого не было, но чем черт не шутит.

— А что же такого ужасного я могла подумать?

— Ну, мало ли... Что я — бомж, и мне негде жить. Что нет денег на еду, и я хочу на халяву поесть. Ну, или что я, к примеру, набиваюсь к тебе в гости, потому что ты мне понравилась. Ну, ты понимаешь...

Ким расхохоталась. Кажется, в первый раз после смерти Виктора. Нет, Алина все-таки неподражаема!

— У меня, конечно, тоже есть свои тараканы, но не настолько же! И ты себя недооцениваешь. На бомжа ты явно не похожа.

— Спасибо, утешила... Ну что, начнем сегодня со спагетти? — Ким в ответ кивнула.

Всю дорогу до дома №11 в переулке Магнолий Алина болтала без умолку. Но Ким это нисколько не напрягало. Наоборот, она радовалась тому, что слушает теперь не только свои мысли, а живую человеческую и осмысленную речь, которой ей уже давно не хватало. Диалоги на работе, в кафе и магазинах — не в счет.

— Ух ты! Красота! — гостя с восхищением оглядывала стены, которые хозяйка недавно украсила картинами. — Твои работы?

— Да ты что! Это известные художники.

— Подлинники? — удивилась девушка.

— Нет, конечно. У меня нет таких денег. Это репродукции.

Алина прошла в гостиную и с деловым видом стала обходить комнату, чуть ли не приносясь к каждому встреченному ей на пути предмету.

— Стало уютнее. А то, честно признаюсь, когда я была здесь в первый раз, твой дом походил на склеп.

— Ну, спасибо! Я-то хоть на мумию не похожа?

— Пока не очень, — в тон хозяйке ответила Алина. — Ладно, не вздумай только обижаться на мои слова. Я же шучу... ой. А это что за красotka? Прямо Мона Лиза. Только в глазах что-то чертовское есть.

Взгляд ее был прикован к большому портрету, висящему над диваном.

— Ты действительно считаешь Мону Лизу красивой? Хотя, по тем временам такая внешность действительно ценилась... А эта девушка — аналог героини Джулии Робертс в одном старом, но известном фильме.

— Не может быть! — ахнула гостя. — А выглядит очень изяшно.

— Она такой и была. Да и профессию свою оставила в прошлом.

— Ты так говоришь, словно она — твоя знакомая. Разве это не очередная безымянная модель художника?

— Не в этот раз. Это моя прапрабабка, скажем так, — портрет Жозефины — то небольшое, что Кимберли решила взять без спроса из материнского дома.

— Ты на нее совсем не похожа, — вынесла вердикт Алина. — Ладно, пора заняться кулинарией.

Спустя час Ким стало казаться, что они с Алиной дружат аж с яслей. Еще ни с одним человеком она не чувствовала такой легкости. Ее новая приятельница была такой естественной во всем и... живой. Ей не нужно было прятаться за высоким забором условностей и правил, которыми изобилует так называемый высший свет.

По мнению Ким, те, кто входил в элитное общество, как раз и напоминали высушенных мумий — оболочки, призванные спрятать пустоту внутри. И побудь подольше среди них — сама превратишься в их подобие. Скука и злоба выкорчуют все человеческое из души, и она, обидевшись, уйдет. Останется только тело, способное и дальше скучать, завидовать, злиться и сплетничать. Ему для этого душа не нужна. И возможно, оно даже станет счастливее.

Но пока Алина будет рядом, Кимберли такой печальный исход не грозит. Девушка излучала позитив и жизнерадостность. И Ким заряжалась от нее, словно солнечная батарея, лежащая в полдень под безоблачным небом. Ее шутки заставляли хозяйку дома хохотать до слез, и вскоре от смеха у Ким начало сводить челюсть.

— Слушай, мы с тобой прям как подруги, — заметила сама Алина, помешивая в миске соус для спагетти. — Хотя видимся второй раз всего. Странно, правда?

— Да, есть немножко. Если честно, друг как таковых у меня и не было никогда, поэтому я даже сравнить не могу.

— А чего так? — удивилась гостя. — Все девчонки завидовали твоему богатству и женихам, которые увивались за тобой из-за этого?

— Примечательно, что ты не говоришь: «завидовали твоей внешности». Все настолько плохо? И с чего ты взяла, что я богата?

— Не, ты симпатяжка, — Алина отставила в сторону кастрюлю и повернулась к девушке с серьезным лицом. — Но я не слепая, вижу, что ты не из простой семьи. Твоя речь, твоя одежда, в конце концов. Может, я и выгляжу иной раз оборванкой, но поверь, дорогие шмотки от тряпья, которое я на распродажах покупаю, я могу отличить. А обувь? Это же Италия, разве нет?

— Ну... да...

— Вот видишь. Когда мы в первый раз встретились, ты была вся такая из себя, ухоженная. Волосы блестят, осанка как у королевы, дорогой маникюр.

— А сейчас?

— Погасший взгляд. И появилась легкая сутулость, словно от груза прожитых лет. И ногти обстрижены. И лака нет.

— И что из всего этого следует?

— А то, что ты не привыкла жить вот так, — Алина махнула рукой, обозначая пространство. — Не умеешь готовить. Вообще не умеешь. Значит, за тебя все делали другие. Ногти не смогла уберечь, хотя наверняка убиралась в перчатках. Все это потому, что нет привычки. Для тебя такой мир — чужой. И город этот — тоже. Я не знаю, почему ты здесь, да и не настаиваю на исповеди. Но то, что ты из обеспеченной семьи, видно, как божий день. Может, вы

разорились, может, тебя оставили без наследства, а может, ты просто поссорилась с богатым женишком и сбежала сюда. Не знаю. Блин. К чему я эту речь-то затеяла, не помнишь?

Ким против воли прыснула. Серьезная беседа, и такое завершение.

— Вот уж не знаю!

— Погоди-ка. Я это все к тому, что завидовать твоей внешности просто не могли. Ты была богата, и это перевешивало все остальное. Когда у человека есть деньги, внешность уже никому не нужна.

— Обидно, правда? Да и ты тоже в принципе никому не нужен, — вздохнула Ким. — И жениху, у которого нет времени даже на элементарный звонок.

— Угадала! Значит, жених есть. И где он?

— В Дублине.

— Значит, пока твой суженный где-то вкалывает в поте лица, зарабатывая очередной миллион, ты пустишься тут во все тяжкие?

— Нет! — Ким запротестовала и почувствовала, как щеки заливают краской. Почему-то при этих словах сразу вспомнился новый знакомый Марк. — Ладно, я не хочу сейчас думать о наших сложных отношениях с Дарреном.

— А чего тогда покраснела? Давай колись! — усмехнулась Алина, садясь напротив девушки за стол и гипнотизируя ее взглядом.

— Я вчера познакомилась кое с кем. Нет-нет, ничего такого, но я подумала, что друзьями мне можно обзаводиться.

— Слушай... — Алина подмигнула приятельнице. — Вчера с Таиланда вернулся твой сосед Макс, так что мы тусовались у него. И наш обаяшка Марк похвастался, что познакомился со сногшибательной рыжей красоткой, которую обязательно приведет на смотрины в это воскресенье. Это случаем не ты?

— Ты его знаешь? — Ким чувствовала себя школьницей, застигнутой директором с сигаретой в руках.

— Еще как. Отличный парень, между прочим. Только бабник, учти.

— Да я с ним не собираюсь заводить серьезные отношения.

— Да ну? Марк — не такой человек, с которым можно оставаться просто друзьями. Только если ты — девушка его друга, как я, например. Тогда да.

— Кстати, — Ким решила отвлечь приятельницу от опасной темы. — Ты не в курсе, он знает человека, который раньше жил в этом доме?

— Понятия не имею, если честно, кто тут жил. Да и неинтересно мне это. А что?

— Судя по всему, многие тут хорошо знали прежнего владельца, и теперь недоумевают, что забыла здесь я.

— Хотя, подожди... — Алина призадумалась. — Кажется, год назад все парни из нашей тусовки вели знакомство с таким высоким типом лет сорока пяти. Ну или старше. Потом он погиб в автокатастрофе. Но где он жил, я не знаю. Просто не всегда вникаю в проблемы мужиков. Своих хватает, если честно. Но я видела того мужика. Он кстати, был рыжим, как и ты.

Ким вздрогнула, надеясь, что Алина не станет сравнивать их схожесть. Но девушка углубилась в свои воспоминания и не обратила внимания на реакцию хозяйки.

— А этот дом... Я признаться, и не замечала его никогда. Он такой крохотный по сравнению с особняком Прохоровых.

— Да, он действительно незаметный. Но мне нравится.

— Не, я ж не спору. У нас с Ромкой тоже не дворец. Главное — есть крыша над головой. И есть друзья, у которых крыша большая, вместительная, а еще бассейн есть, — хихикнула Алина. — Впрочем, ты же была у Макса, видела, наверное.

— Если честно, то на размеры я не обратила внимания. Я чуть в обморок не упала от витавших там ароматов.

— Да, ты у нас нежная. Так, давай проверим наши макарошки. Сварились уже, скорей всего.

Обед получился. И Кимберли было приятно осознавать, что она к этому тоже приложила руку. Тщательно записав в новенький блокнот всю последовательность действий, а также количество ингредиентов и время, нужное для готовки, девушка понадеялась, что в следующий раз она справится с этим несложным блюдом и одна.

— Через час надо идти на работу, — горько вздохнула Алина, когда с мытьем посуды было покончено. — А после такого сытного обеда так лень...

— А где ты работаешь? — поинтересовалась Ким.

— В «Дохлой мыши», — мрачно заявила девушка.

— Где-где?!

— Где слышала... Бар так называется. «The Dead Bat». Ну, или по-русски «Дохлая летучая мышь». У хозяина интересное чувство юмора. А еще он почему-то Бэтмена не любит.

— Интересное название, — вежливо заметила Кимберли.

— Да не стесняйся, скажи уже, что название — отстой полный. Хотя бар сам по себе прикольный.

— Тогда чего ж ты так тяжело вздыхаешь?

— Неприятно уходить на смену с осознанием, что дома сидит Ромка и дует на меня. А во всем виновата Милана. Она вчера проболталась ему насчет Дениса. Коза...

— Ты официанткой работаешь?

— Угу. Вообще хорошее занятие. Клиенты у нас в основном спокойные. Димон не любит, когда шумят, и сам выставляет таких за дверь. С его шкафоподобными габаритами и не пытаются спорить. Он вообще у нас один за всех. И владелец, и вышибала, и главный бармен. Единственное: уборка лежит на официантах. Но нам это не в напряг. Слушай... — Алине явно пришла в голову какая-то идея. — А давай ты со мной пойдешь! Сейчас, в это время, когда уже не день, но еще не вечер, народу мало. Ты закажешь что-нибудь, скрасишь мою скуку. И я тебя с Дмитриевым познакомлю.

— Что еще за Дмитриев?

— Дмитрий Дмитриев, я ж говорила только что. Хозяин «Мыши».

— Надеюсь, отчество у него — не Дмитриевич? — хмыкнула Кимберли.

— А то! — расплылась в широкой улыбке Алина. — Родители у него еще теми затейниками были.

— А зачем мне с ним знакомиться?

— Ты же мне рассказала, что осталась без работы. Может, к нам устроишься? Официанткой. Можно барменом. Хотя если опыта нет, Димон тебя в бар не возьмет. Только на столики.

— Ой, даже не знаю...

— Да брось! Работа не пыльная. И платит он, между прочим, неплохо. Если б у меня деньги не утекали меж пальцев, как вода, после каждой зарплаты, я бы уже ходила, как и ты, в итальянских шмотках.

— Хм...

— Вижу, что не веришь. Но мне все равно. И я не заставляю тебя устраиваться. Просто сходи и оцени обстановку. Уверена, ты влюбишься в это заведение. Да и что толку дома сидеть?

— Умеешь уговаривать, — смеясь, ответила девушка. — Схожу с тобой. В конце концов, развеяться мне не помешает.

Девушки в полном согласии отправились в бар. Который еще за два перекрестка привлек внимание Ким своим непритязательным видом.

— Господи, если б я не знала, подумала бы, что это какой-то склад.

— Ага! Димон говорит, что это такая фишка. В чем тут она, я лично не врубаюсь. Но ему виднее. Да ты когда с ним познакомишься, сама все поймешь.

Вывеска с мультяшной летучей мышью с глазами в виде «Х.Х» (очевидно, обозначающими ее статус «неживой») и название латиницей гласили, что они пришли, куда надо. Внутри помещение поражало не хуже. Обшарпанные стены, светильники, сошедшие с экранов фильмов про средневековые, безвкусно подобранные картины и постеры. То тут, то там мелькали изображения летучих мышей, правда, эти, в отличие от той, на вывеске, были живее живых.

И тем не менее, что-то во всем этом было. Что-то уютное.

Алина, извинившись, оставила девушку, предоставив ей осмотреться самостоятельно. А ей нужно было переодеться. Ким сначала заглянула к барной стойке. Напротив стойки с удобными барными стульями — мягкие кожаные диванчики, широкие столы. Все для посиделок с большой компанией друзей. Как жаль, что у нее, Ким, такой компании нет. Да и вряд ли когда-нибудь будет, с ее-то нелюдимостью и неумением общаться. Хорошо хоть с Алиной познакомилась.

Второе помещение оказалось просторней. Столов здесь было меньше, зато посередине красовался бильярдный стол, а на одной из стен — большой телевизор. Видимо, здесь собирались любители спорта во всех его проявлениях. Столики тут были круглыми и небольшими, за каждым едва могла бы разместиться компания из трех человек.

Судя по всему, бар только-только открылся. Посетители еще не дошли, а работники готовятся к очередной смене. Но выбрать место по душе Кимберли не успела. Из зала с барной стойкой раздался такой душераздирающий вопль, что у девушки кровь застыла в жилах. Пока Ким лихорадочно соображала, что делать дальше: бежать ли на крик или покинуть бар от греха подальше, вопль прекратился, сменившись отборной бранью. Судя по голосу, это была Алина. Ну, раз все в порядке, все живы, то можно вернуться и выяснить, что там стряслось.

— Ах ты недоделанный придурок! — бесновалась Алина, накидываясь на крупного, если не сказать тучного, мужчину, который стоял к Ким спиной. — Я чуть не обделалась!

— Да не кипятись так, Лина, — добродушно отпирался ее собеседник. — Решил сегодня устроить тематический вечер...

— Я тебе сейчас такой вечер устрою! Чучело! Тут тебе не Штаты с их хэллоуинами всякими... — она осеклась, увидев вошедшую в зал Кимберли и сразу же любезно улыбнулась. — Да, кстати, познакомься. Дим Димыч, это моя подруга Кимберли. Ким, это Дим Димыч, хозяин «Дохлой мыши».

Мужчина повернулся к девушке, и у Ким дрогнули руки. Теперь понятно, почему Алина ругалась. Лицо хозяина бара разукрашено в бело-красный цвет, словно у залитого кровью трупа. Дмитрий Дмитриевич с улыбкой, которая сделала его похожим на маньяка, протянул ей руку.

— Очень приятно.

— Да-да, приятно... — ошеломленно пробормотала Ким, машинально пожимая ему руку.

— Итак, — голос Алины снова стал злым. — Знакомство состоялось. Теперь продолжим. Так какого хрена?..

— Я же уже сказал...

— Вякнул что-то там про тематический вечер. Ну да, ну да. Только какого рожна ты выскакиваешь из-под стойки, когда я уверена, что зал пустой?! Да еще твоя морда разукрашена черте чем! Сердце у меня не железное.

До Кимберли только сейчас дошло, что этот человек, на минуточку, босс ее подруги, а она тем не менее позволяет себе разговаривать с ним в таком тоне. На секунду представив, какое лицо было бы у ее матери, позволь ее секретарь так себя вести, девушка еле сдержала смех. Но Дмитрию все было нипочем. Видимо, он уже привык. Или в принципе поддерживал такой стиль общения.

— Извини, Лина. Хотел сделать сюрприз... Ладно, не маши так руками, я понял уже, что сплюховал. Думаешь, посетители тоже не оценят?

— Посетителей парализует. Это я тебе с уверенностью могу сказать, — парировала Алина.

— Пойду умоюсь, — глухо вздохнул мужчина и отправился на выход.

— Нет, ты только посмотри! Этому комедианту надо было идти в театр работать. Какой кошмар! До сих пор успокоиться не могу...

— Видимо, хотел подшутить...

— И представляешь, вот все шутки у него такого плана! Я точно когда-нибудь помру тут. Или его пристукну на эмоциях.

— А это нормально, что ты с ним так разговариваешь? Он же твой начальник.

— Ну и что? Раз начальник, значит, можно так издеваться над нами? Не бойся, выговора не будет. С ним все и всегда так общаются. По-свойски. Не знаю, плохо это или хорошо, но именно поэтому я до сих пор здесь. Несмотря на все его выходки.

— Ты так кричала. Думала, кого-то убивают.

— Так я боюсь всего! Насмотрюсь фильмов ужасов, потом хожу и шарахаюсь от своей тени. И клоунов я боюсь, кстати. Да и мимов тоже. Белая морда, как у покойников, а клоуны еще и ржут как недорезанные... И тут это чучело выпрыгивает из-под стойки при моей полной уверенности, что я тут одна. Я чуть в обморок не хлопнулась.

В зал кто-то вошел. Алина сразу же замолчала, вытянулась как по струнке и натянула на лицо дежурную улыбку. Потом улыбка сменилась вздохом облегчения, и девушка помахала рукой вошедшему.

— Зак, что-то ты сегодня рано. Присаживайся. Тебе как обычно? Да, кстати, познакомься. Это Кимберли, моя подруга.

— Привет, — вяло махнул рукой и едва улыбнулся подошедший к ним парень. Неброская внешность: по такому лицу в толпе взгляд лишь скользит, опасаясь задерживаться, и сразу же ищет нечто более притягательное. Светлые волосы, серые, словно выцветшие глаза, слишком грубый нос и слегка торчащие уши. Нет, конечно, лицо не было отталкивающим. Но и ничем не привлекало. Среднего роста, крепкого телосложения, но не качок. И все же, было в нем что-то едва уловимое, что заставило Ким взглянуть на него внимательнее. Парень, которого звали Зак, не замечая ее пристального взгляда, прошел мимо нее к стойке, едва не задев девушку плечом. Как рядом с пустым местом...

— Что это с ним?

— Да это ж Зак. Вернее, Захар, — пожала плечами Алина. — Он всегда такой.

— Он из вашей компании?

— Ну... — замаялась девушка. — Не совсем. Иногда конечно приходит к нам на вечеринки, ну и вообще... Но не так, чтобы часто.

— Он выглядит очень подавленным... Ты сказала, что он сегодня рано. Так значит, он здесь часто бывает?

— Да почти каждый день. Ну, по крайней мере, когда моя смена. Причем всегда берет лишь одну бутылку легкого пива, которое я никогда и за спиртное-то не считала. А чаще — просто минералку с лимоном. Да что ты так им заинтересовалась?

— Сама не знаю, — Кимберли пожала плечами. — Просто любопытно.

Заметив, что посетителей прибыло, Алина тихонько отвела подругу в сторону:

— Ну вот, теперь ты знаешь, где я работаю. Смотри, думай. Повторяю — работа совершенно не пыльная. А чем симпатичней официантка, тем больше дают на чай. Не бойся, руки никто не распускает, а если кто посмеет, получит по шее от Димона. Он свято чтит нашу неприкосновенность. А тебя Бог внешностью не обидел, так что... Подумай, короче. А я пойду, пора работать. Напарница уволилась, поэтому я одна за всех тут бегаю в свою смену. Димон не может никак найти подходящую замену Катерине.

— Я тоже, пожалуй, пойду. Спасибо тебе за чудесный день, Алина, — Ким не хотелось сидеть тут в одиночестве, как тот странный парень, Захар. Раз подруга будет занята, то и ей стоит уйти.

— Господи, да не за что. Увидимся завтра у Макса!

— С какой стати? С чего ты взяла, что я приду?

— Ой, ты просто Марка не знаешь. Он умеет убеждать. Да не парься. Будет весело. Мы тебя со всеми познакомим. Ребята хорошие, простые правда, как и я, но есть Макс. Он у нас мнит себя членом элиты. Может, найдете, о чем поболтать. Ну, я побежала. До завтра! — Алина чмокнула Кимберли в щеку и убежала к одному из столиков, за которым уже сидели.

Мужчины, увидев наверняка знакомую им девушку, приветливо ей улыбнулись. А Ким вздохнула, направляясь к выходу. Ей и правда здесь нравится. Забавный хозяин, интересный бар... Если сначала обстановка казалась ей безвкусной, то теперь она призналась себе, что в ней есть определенный шарм. Так может перестать артачиться и устроиться сюда?

7. Знакомые всё лица

*Никки стоит в углу,
Закутанная в черный плащ,
Сбежавшая из плохого дома,
Где жил какой-то кот.*

*Где ты нашел ее сейчас?
Среди неоновых огней,
Преследующих улицы?
INXS — «Beautiful girl»*

Ночью Кимберли долго не могла заснуть. Обычно такое расстройство сна с ней случается после сильных стрессов, но сейчас жизнь вполне спокойна. И даже наоборот — вроде бы начала налаживаться. Но она не хотела идти к соседу в воскресенье и половину ночи придумывала предлог для отказа. Проще всего сослаться на плохое самочувствие. Может, Марк и думать уже о ней забыл? Это было лучше всего.

Правда, по словам Алины он расписал ее друзьям в таком выгодном свете, что в любом случае не преминет похвастаться новой знакомой. Ким не могла понять, с чего вдруг вызвала в нем такие эмоции. Красавицей она себя не считала. Тем более, не все любят рыжих, а у нее еще и веснушки есть...

Сразу после дум о Марке в голову залезли мысли о Викторе. И чем больше она им подчинялась, тем сильнее они ее обступали.

Она никогда не простит Джилин за то, что та не отпустила ее попрощаться с ним. Ей и сейчас его не хватает. Пусть они в последнее время редко виделись, пусть у него была другая семья, но он был ее отцом. Да, сознательное детство и юность Ким провела с Грегом, но и отец занимал в ее жизни значимое место. Как она любила прогулки с ним! А каждая поездка в Русалочью Бухту воспринималась как праздник.

Признаваясь самой себе, Ким жалела, что осталась с матерью. Джилин была не против отдать дочь отцу, ведь у нее был Киран. Поэтому детский вопрос обсуждался без кровопролития и участия судебной системы. Положились на выбор Кимберли. Но девочка решила тогда в пользу мамы. Виктор не обиделся. И ни разу не напомнил дочери о ее решении.

Он вообще никогда не обижался. Всегда был жизнерадостным и довольным. Поэтому пребывание у него в гостях надолго заряжало Ким позитивом и светлой, доброй энергией. Он был ее персональным Солнцем. И даже возвращаясь в Дублин, находясь далеко от него, она знала, что он — есть. И его тепло согревало ее даже на расстоянии.

Ведь когда-то и Джилин его любила. Без любви разве стала бы она выходить за простого парня, без гроша в кармане и без образования? Где, когда между ними пробежала трещина? Когда случился перелом, после которого Виктор стал искать счастье в объятиях других женщин, а ее мать ударилась в работу? Теперь остался один очевидец, да и тот не вспомнит. А если и вспомнит, рассказывать не захочет. Джилин никогда не была откровенна с дочерью.

А потом рыжее Солнце Ким закатилось навсегда. Уже месяц она живет в этом здании, но до нее только сейчас начало доходить, что это был Его дом. Стены пропитались его эмоциями, его настроением. Этой ночью она остро ощутила это. Если принахотиться, можно даже почувствовать легкий древесный аромат одеколона, которым Виктор всегда пользовался.

И ей стало так тошно от всего этого. Год она крепилась, не давала горю возможности заполнить ее изнутри, как вода заполняет пустой кувшин. Но живя в Дублине, она совершенно не имела времени на эмоции. А теперь Ким предоставлена самой себе и своему одиночеству.

И вот тут-то тоска выползла из укрытия, чтобы вцепиться в свою жертву и держать мертвой хваткой.

Обидней всего было то, что она не попала на похороны. Да и тот факт, что до трагедии они не виделись три года, тоже печален. Ким лежала в кровати и ловила себя на чувстве ненависти к собственной персоне за это пренебрежение. Они даже перезванивались редко. Виктор знал, что она учится в колледже, и не хотел отвлекать, а ей, конечно же, было некогда. Потом в ее жизни появился Даррен, и она вовсе забыла об отце.

Пока наконец не осознала в себе потребность снова съездить в Бухту, отдохнуть от матери и от всего, связанного с семейным бизнесом. Ей столько нужно было рассказать отцу, о многом посоветоваться и на многое — пожаловаться. Она уже считала дни, часы и минуты до отлета, как вдруг ночью в квартире Даррена, где она проводила каникулы, раздался телефонный звонок. Дарр проклял все на свете, и звонившего — тоже.

Оказалось, что их сон потревожила Джиллин.

— Твой отец погиб, — спокойным голосом сообщила она. Возможно, какие-то слова и были еще сказаны, но Ким уже ничего не слышала. Трубка выскользнула из рук, а сама она упала на кровать, потому что ноги временно отказались исполнять свои функции — поддерживать.

Самое интересное — слез не было. Вообще. Зато родилось ощущение черной дыры, которая образовалась где-то на месте солнечного сплетения и затягивала туда все чувства и мысли.

Вот сейчас Ким думала, что было бы, отпусти ее мать на похороны. Может, хорошо, что девушка осталась в Дублине, и Джиллин загрузила ее делами и визитами, да так, что времени остановиться и подумать хоть о чем-нибудь у нее не было. Но она так хотела попрощаться...

Теперь же опасный период миновал, и она приехала. Вернулась в тот дом, где провела несколько незабываемых летних месяцев. Три года назад отец прилетал в Дублин, и она водила его на экскурсии по городу.

Но этот дом она не видела уже лет шесть.

У Виктора была другая семья. Но жили они в доме его второй жены, а этот закуток всегда оставался свободным. Возможно, он так и не оставил в прошлом свои ветреные привычки и встречался тут с женщинами. Но Ким не хотелось об этом думать. Для нее этот дом всегда будет связан с лучшими воспоминаниями детства.

Думая обо всем этом, Ким поняла, что сон сегодня вообще к ней не придет. Правда, она все же заснула под утро, но когда глаза удалось открыть, на часах уже был полдень, а голова гудела, как взъерошенный улей. И тут же молотком по лбу — мысль о предстоящем визите к Максиму Прохорову.

Еле вытащив полуживое тело из кровати, Ким сползла вниз на кухню.

Включила кофеварку, достала из новенького холодильника упаковку йогурта, и плюхнулась на стул. Мысли начали немножко проясняться. И до Ким наконец дошло, что вообще-то на вечеринку ее никто не звал пока. Мало ли, что там Алина болтает. И вообще, неизвестно, объявится ли сам Марк. Когда туман в голове окончательно рассеялся, Ким поняла, что как всегда делает из мухи слона. И очень сильно беспокоится по пустякам. Такими темпами она к тридцати годам будет седая, как лунь.

Но не успела она закончить завтрак, как в дверь позвонили. За порогом оказалась Алина, с лицом, сияющим от радости. Ким хмуро уставилась на нее.

— Я вижу, ты только что проснулась, — хихикнула гостья, проскальзывая мимо хозяйки в прихожую. — А я вот за тобой решила зайти.

— В смысле?

— У меня до работы еще куча времени, хотела прошвырнуться по магазинам с тобой. А потом можно и к Максиму на смотрины...

— Никуда я не пойду, — отрезала Ким, складывая руки на груди. — Зачем я там нужна? Я не хочу ни с кем знакомиться.

— Э, да мы с утра не в духе, оказывается. А чего так? Думаешь, такие люди тебе не интересны? Да, мы — не элита.

— Да нет же, — Кимберли тут же пошла на попятную, устыдившись своей резкости. — Мне просто сам хозяин дома не особо понравился. И не факт, что Марк пригласит меня на эту вечеринку. Он ведь даже не звонил еще.

— Хм. Да, Максимка у нас на любителя. Но не глупый парень. И добродушный. И мы вдвоем заставим его извиниться перед тобой.

— Да не нужны мне его извинения.

— Ну так идем?

Желание спорить и сопротивляться у Кимберли уже исчезло, поэтому она безропотно поплелась в ванную комнату приводить себя в порядок.

Во время пробежки по распродажам Алина окончательно убедила Кимберли в необходимости расширения круга знакомств. Чем больше друзей, тем лучше. Хотя в глубине души Ким ощущала себя в тисках Джилин, когда та убеждала дочь посетить очередной благотворительный бал.

Хотя здесь она не обязана показывать себя в лучшем свете. Можно остаться такой, какая она есть. Тихой, незаметной, серой мышкой. Ну, не серой, а рыжей. Цветом своих волос Ким научилась гордиться. Потому что это память об отце, как и карие глаза. А в детстве, когда ее дразнили в школе, она тихо бесилась от того, что ее не угораздило родиться брюнеткой или шатенкой. Но теперь это все в прошлом. В прошлом, там же, где и тот, кому она обязана своей шевелюрой.

— Эй, подруга! — обратилась к ней Алина, когда они выходили из торгового центра. — Ты опять витаешь в облаках?

— Прости, задумалась...

— Судя по выражению твоего лица, задумалась явно о чем-то грустном.

— Да всего лишь воспоминания. Ничего особенного. Вообще не обращай внимания, со мной такое часто бывает.

— Как знаешь. Вообще все мы тут со странностями, конечно. Вернемся к нашей теме. Я хочу, чтобы ты пошла.

— Так я же уже согласилась.

Действительно, она живет здесь месяц, никого не знает, ни с кем не общается. Да, возможно то общество, куда зовет ее Алина, немножко не ее уровня, но надо же с чего-то начинать! Алина ведь тоже из другой среды, но Кимберли себя чувствует рядом с ней очень комфортно. Девушки общались всего третий день, но складывалось ощущение, что знакомы они давным-давно. Так может, и с друзьями новой приятельницы она найдет общий язык?

— Кстати, а почему это тебе Марк не звонит? Ты же сказала, он записал твой номер. На него это не похоже.

— Значит, передумал, — пожала плечами Кимберли. Конкретно Марк ее мало волновал.

— Странно. Ну и фиг с ним. Пойдешь со мной. Не беспокойся, мы ненадолго: мне все равно вечером на работу идти нужно. Хотя, может тебе там понравится, и ты решишь остаться.

— Вот это вряд ли...

Через час девушки уже подходили к роскошному особняку, выполненному в восточном стиле. Когда Ким была здесь в прошлый раз, не обратила внимания на то, как здесь красиво. Тогда она была в бешенстве и жаждала расправы над обидчиками, не дающими ей спать. Да и

когда она проходила мимо во время прогулок или пробежек, старалась не смотреть в сторону дома.

Само здание было невысоким, но большим по площади. И весь участок буквально утопал в зелени и розовых кустах. И благоухало тут теперь, как в раю.

Хозяин дома как раз околачивался без видимого дела около входной двери.

— О, Алинка, салют.

— А ты чего это такой печальный тут бродишь? Что-то случилось?

— Да нет, ерунда... — вздохнул парень, и наконец обратил внимание на новое лицо. —

Привет, соседка.

— Привет, сосед, — в тон ему ответила Кимберли. — Не думала, что меня тут помнят.

— Конечно, помнят! Я запоминаю всех недовольных, — подмигнул он.

— И что делаешь с ними потом?

— Мщу им страшной мстью, разумеется: ворую из их садиков цветочки.

Кимберли фыркнула. Макс Прохоров не так уж и плох.

В принципе, симпатичный. Если бы только волосы не осветлял, цены б ему не было. Стройный, подтянутый, загорелый и голубоглазый. Мечта любой девушки от шестнадцати и до бесконечности. И приятный в общении человек. Если брать в расчет сегодняшнее впечатление. Неизвестно, конечно, каким он покажет себя в дальнейшем.

— А кто в доме? — поинтересовалась Алина.

— Да все свои. Обсуждаем предстоящее соревнование. Правда, расстроенный Марк ни о чем не хочет думать. Он, видите ли, неправильно записал номер какой-то девицы, и дома ее тоже не оказалось, когда он хотел за ней зайти.

Алинаа расхохоталась, и хозяин дома с деланным неодобрением на нее покосился:

— Ты чего? У парня трагедия, можно сказать, а ты...

— Да у него практически каждый месяц такая трагедия случается. Но в этот раз я выступаю благодетелем. Вот его потеря, — Алина кивнула на Кимберли.

— Ну вот, — расстроился Макс. — Значит, я уже опоздал?

— У тебя все равно никаких шансов. У Снежанки руки длинные, она тебе быстренько укоротит все лишнее. Да и Кимберли достанется, а я не хочу, чтобы моя подруга страдала от этой бестии.

— Тебя послушать, так наша Снежка — ведьма.

— Ты прекрасно знаешь, как я к ней отношусь, так что не пытайся воззвать к моей совести.

— Ладно, проходите, девушки. Все там. Алина, возьми на себя обязанности хозяйки, представь Кимберли остальным. Я сегодня не в настроении, да и встретить кое-кого надо.

— А с каких это пор я тут хозяйка? Роме это не понравится, — нахмурилась Алина. — Почему бы Снежане хоть раз не оторвать свою пятую точку от лежака и не заняться делом. Не зря же она там пиво твое пьет.

— Сама же знаешь ее характер. Ты с этой ролью справишься лучше. И причем тут Ромка вообще? Он что, в курсе?

— Ну, — запнулась Алина. — Ляпнула как-то по пьяной лавочке.

— Блин, ну зачем? Столько воды утекло уже. Да и не серьезно все было...

— Ладно уж. Ким, за мной.

Когда девушки зашли в дом, Алина огляделась по сторонам, втянула Ким в какой-то темный закуток и прошептала:

— Ничему не удивляйся и ничего не говори. Я когда-то с Максом встречалась.

— Не дура, поняла по репликам. Но ты меня удивила. Не думала, что такие парни в твоём вкусе...

— Если бы не Макс, меня и в живых бы наверное уже не было. Он спас меня, но это совсем другая история. Как-нибудь вечером засядем у тебя за тортиком, и я тебе все расскажу.

— Конечно, как скажешь. Мне делать вид, что я ничего не знаю? — поинтересовалась Кимберли.

— Желательно — да. Ромке будет неприятно знать, что я по секрету всему свету об этом растрезвонила. Все это давно в прошлом.

— Точно?

— Надеюсь! Ладно, давай не будем пока об этом.

Наконец Алина привела Ким в гостиную, где та в прошлый раз пыталась добиться справедливости. Сегодня здесь было не так многолюдно, и намного чище. Даже воздух был свежее. Кроме пива, двух тазиков с чипсами и практически пустых пепельниц на столиках ничего не было. Ким с облегчением вздохнула и поняла, что глобальной вечеринке сегодня не быть.

На диванчике, попивая коктейль, сидела хмурая шатенка. Увидев вошедших девушек, она отставила бокал и демонстративно отвернулась.

— Поглядите-ка на нее, — фыркнула тихо Алина. — Королева не рада видеть своих новых подданных.

Сидевший там же и флиртующий с шатенкой парень вдруг обернулся и оказался Марком. Увидев, кто пришел, подскочил к девушкам:

— Привет! Где ты сегодня была? Я полдня топтался у порога.

— Добрый день. Нужно внимательней записывать номер телефона, — съязвила Ким, но смягчила фразу улыбкой.

Ей не очень понравилась картина, которую она только что наблюдала. А уж в сочетании со словами Алины о том, что у него репутация не очень... Стоп! Кимберли едва удержалась от хлопка по своему же лбу. Откуда такие мысли? С чего вдруг она думает о нем в там ключе? Да еще и ревнует к разным прекрасным незнакомкам. Она этого парня видит второй раз в жизни. И у нее есть Даррен. Вот только сейчас мысль о женихе почему-то радовать перестала.

— Я немножко лоханулся, — виновато улыбнулся парень. — Но я рад, что все же встретил тебя еще раз. Значит, вы с Алиной знакомы?

— Да, причем довольно давно.

— Ты бы тоже с ней раньше познакомился, если бы не дрых перед телевизором, когда она пришла устраивать разборки с Максом, — фыркнула Алина.

— Серьезно? Так это была ты? — удивился Марк. — Обидненько...

— Да-да, опростоволосился ты, парниша. Ладно, сейчас я приведу к тебе твою даму сердца. А сначала нужно познакомить ее с остальными. О, вот кстати и Рома.

Ким кинула взгляд, ожидая увидеть молодого человека Алины, и остолбенела. Как же тесен мир! Перед ней оказался таксист, везший ее от вокзала до дома. И она даже вспомнила, что он действительно представлялся ей Романом. Но у нее и в мыслях не было, что он окажется связан с ее новой приятельницей. И тут такой сюрприз. Судя по лицу темноволосого мужчины, он тоже ее вспомнил. И встрече почему-то не очень-то и рад.

— Познакомься, котик, это наша новая очаровательная соседка Макса и по совместительству, моя подруга.

— А мы знакомы, — буркнул «котик».

— Да? — глаза Алины округлились. — И чего молчали?

— Ну... Кто ж знал, что вы встречаетесь, — пожала плечами Кимберли. — И с Романом у нас всего лишь шапочное знакомство: он просто подвез меня до нового места жительства. Что ж, Роман, очень приятно познакомиться с тобой. Если ты помнишь, меня зовут Кимберли.

— Помню. У меня вообще хорошая память. И на имена, и на лица.

Почему-то эта фраза прозвучала угрожающе. Ким удивленно приподняла левую бровь, но промолчала. Зато Алина удержать язык за зубами не сумела.

— А чего это ты такой нервный сегодня? Говоришь какими-то загадками. Ты про память-то к чему вообще сказал?

— А с тобой я вечером поговорю, — сквозь зубы процедил Рома, и оставив обеих девушек в глубочайшем недоумении, отправился к бильярдному столу.

— Так. Вы что, успели уже за свою короткую встречу стать врагами?

— Да вроде нет... — Кимберли снова пожала плечами. Кажется, этот жест стал входить у нее в привычку. — Но я почему-то вызываю в нем антипатию. Может быть, ему не нравится, что я заняла дом Виктора после его смерти?

— Что за Виктор?

— Прежний хозяин моего дома, — вздохнув, ответила девушка. — Год назад он погиб на гоночных соревнованиях. Его машина потеряла управление и сошла с трассы. Ну и... взорвалась. Естественно, спасти его не удалось.

— Ну так а ты тут причем? И какая ему разница вообще, кто в этом теремке теперь живет? А почему, кстати, дом тебе достался?

— Длинная история.

— А говоришь так, словно она еще и детективная. Уж не разбираться ли в гибели прежнего хозяина дома ты сюда примчалась?

— Нет, — помотала головой Кимберли, но Алину обмануть не удалось.

— Ладно. Есть у меня подозрения. Хотя я плохо разбираюсь в таких вещах. Но Виктор был прекрасным гонщиком. Когда-то даже в официальных соревнованиях участвовал. Да и механиком был от Бога. Каждая его машина была ему как жена.

— Значит, ты говоришь, что авария была подстроена? — нахмурилась Алина. — Почему тогда я об этом ничего не знаю? Парни весь год молчали, как рыбы, хотя общались на короткой ноге с этим твоим Виктором.

— Не знаю. Я так понимаю, твой парень и Марк — тоже гонщики? Иначе что могло бы их связать с Виктором?

— Ну да. Стритрейсеры, если быть точной. В легальных гонках никто из них пока не участвовал. Кишка тонка. Но на улицах они короли. Особенно Макс. Хотя Марк тоже хорош.

— Может быть, если я познакомлюсь с ним поближе, он расскажет мне об этой истории с моим... другом.

— Ты запинаешься, когда произносишь это слово «друг», — с подозрением посмотрела на нее Алина. — Меня терзают смутные сомнения, что он вообще твой родственник. Тоже рыжий...

— Алина, я...

— Да не парься! Не хочешь или не можешь говорить, не мучай себя. Мне до лампочки, кем он там тебе приходился. Главное, что тебя волнует вся эта история. А значит, она скоро начнет волновать и меня. Но об этом мы поговорим с тобой позже. Завтра я выясню, что против тебя имеет Ромка, а пока надо познакомить тебя с остальными.

Остальные были представлены не густо. Сегодня в поле зрения оказались уже знакомые Кимберли Марк, Роман, Милана, Захар и Макс. Новыми лицами оказались та недружелюбная, но крайне красивая шатенка по имени Снежана и Эдуард, молодой мужчина лет тридцати, выглядевший типичным рокером: длинноватые волосы, кожаная безрукавка, футболка с надписью «АРИЯ».

Когда Алина подвела к нему подругу, дабы познакомить их, он так и впился в Кимберли взглядом. Гостья слегка напряглась, не понимая, с чего такой ажиотаж вокруг нее. Сначала Роман, теперь вот этот. Алине даже пришлось пару раз щелкнуть пальцами у его лица, чтобы он очнулся.

— Ха. Похоже, еще один твой будущий потенциальный ухажер, — хмыкнула Алина, когда они отошли от мужчины. — Смотри, как таращится. Он вообще у нас не очень-то ходок, но ты сразила его наповал.

— Или мы где-то пересекались, — тихо проговорила Кимберли. — Странное ощущение от него. И вряд ли ты почуяла симпатию. Скорее наоборот. Боже, только приехала, а меня уже столько народу невзлюбили. Еще и Снежана смотрит как на врага.

— Хм. Где вы могли с ним пересекаться? На рок-концертах? Ты не похожа на слушательницу такой музыки. Эдуард у нас весьма загадочная личность. Автомобили не любит, у него байк. С девушками мы его видим крайне редко. Всегда одевается в кожу и рванину какую-нибудь, а слушает только тяжелую музыку: рок и металл. О себе рассказывает крайне неохотно. Я до сих пор не знаю, когда и при каких обстоятельствах он появился в этой компании. Парни говорят, что как-то незаметно просочился к ним, и ни один из них не может внятно вспомнить, когда конкретно это произошло.

— Темная лошадка. И часто он вот так с вами тусуется, сидя в стороне?

— Да почти каждый день. В отличие от Захара. Тот тоже со странностями, но хоть не мозолит так глаза своим молчанием в углу. И одевается поприличнее.

Снежана при знакомстве с Ким смогла выдавить лишь натянутую улыбку. Жеманно так. И нехотя.

— Видит в тебе потенциальную соперницу, — прокомментировала пятью минутами позже ее поведение Алина. — Заметно невооруженным глазом. Малли и я не в счет. Я уже при деле, а Малли она за девушку и не считает, учитывая, как та одевается.

— Я так поняла, Снежана — девушка Макса.

— Ну, типа того. Они то сходятся, то расходятся. Достали уже всех, если честно. А Снежане важно всегда оставаться в статусе королевы. Она хочет, чтобы только ее хотели, любили и ценили.

— Поклонница мужских гаремов?

— Да! Именно так. Я тебе не говорила, но она встречалась и с Марком, и по моему, с Эдуардом тоже. Спала-то с ними точно. И периодически строит глазки Ромке и даже, прости Господи, Заку. Ну и всем, кто приходит на тусовки.

— Алина, опять ты злословишь про бедную Снежку! — к подругам с улыбкой подошла Малли.

— Бедная, ага, как же! — язвительно хмыкнула Алина.

— Очень рада, что ты к нам заскочила на огонек, Ким, — обратилась к ней девушка с фиолетово-зелеными волосами. — Судя по тому, что ты спокойно можешь общаться с Алиной, ты наш человек. Извини, что судила о тебе предвзято.

— Ничего страшного. Я о вас тоже не самого лестного мнения была...

Милана рассмеялась.

— Да уж. И сочли друг дружку психами. Но, признаться, ты этим поступком меня покорила. Если что, надеюсь, к тебе можно будет обратиться за денюжкой? Ну, если на мели будем.

Теперь уже и Кимберли расплылась в широкой искренней улыбке. Снежана, проходившая мимо, что-то с презрением пробормотала себе под нос.

— Она недоумевает, как такая правильная дамочка (разумеется, с виду) может общаться с нами.

— А вы очень неправильные?

— А то. И одеваемся не так, и прически у нас жуткие, и мужиков выбирать не умеем. Прямо-таки дико неправильные.

— Эй, дико неправильные, можно у вас украсть Кимберли на пять минуток? — раздался вкрадчивый голос Марка.

— Можно даже на пятнадцать, — милостиво разрешила Алина с очаровательной улыбкой.

Кимберли захотелось наступить ей на ногу за это разрешение. Или ущипнуть. Больно-пребольно. Потому что только-только она почувствовала себя комфортно, как ее с головой окунули в чан со смущением. И тут же пунцовая краска зажгла щеки, и наверняка весь миллиард ее веснушек вылез на всеобщее обозрение.

И что за реакция вообще? Жених же есть.

— Ну как тебе мои друзья? Я смотрю, с Алиной ты нашла общий язык.

— Да, я с ней познакомилась практически сразу же после переезда. Она очень милая. И вообще тут все очень милые. Хорошие люди, — Ким с ужасом заметила, что голос у нее дрожит, и вообще она несет что-то очень светское и не шибко разумное, а посему сочла за благо вообще закрыть рот.

— Надеюсь, ты и дальше останешься такого же мнения.

— Думаешь, наше общение продолжится? — брякнула, не подумав, Ким.

— Мне бы этого хотелось, — улыбнулся Марк. — Ты ведь надолго к нам?

— Честно говоря, пока не знаю. Планирую, конечно, надолго, но... Ни в чем сейчас не уверена. Возможно, мне придется вернуться в Дублин.

— Так ты из Ирландии? Круто. Виктор много рассказывал об этой стране. Чувак, в чьем доме ты сейчас живешь. Ты его знала?

— А ты? — перебила его Ким и еще больше покраснела от своей наглости.

— Еще бы! Виктор был душой нашей компании.

— Неужели? Он же вам всем в отцы годится. Годился...

— И что? С ним было весело. И ему с нами тоже. Он вообще был прикольным чувачком. Да что говорить, он меня научил водить!

— Ты так давно его знаешь?

— Практически с детства, — признался Марк. — Так же, как и Макс, и Рома. Наша троица хвостом таскалась за Витьком, и он иногда в шутку называл нас сыночками. А может, и не в шутку.

— А его семью знали?

— Не, не общались. Даже не видели, ни жену, ни младшую. Хотя, знали, что где-то еще обитает старшая дочка. Кажется, она даже его навещала в детстве. Но я не помню ее.

«И слава Богу», — успела подумать Кимберли.

— А ты тоже рыжая, — вдруг стал серьезным Марк. — И глаза темные...

— И что с того? Два процента населения Земли — рыжие. А кареглазых вообще большинство.

— А дом тебе как достался? — но увидев, как хмурится его собеседница, смущенно улыбнулся. — Извини, похоже на допрос. Что-то я увлекся.

— Так я вроде первая о нем заговорила.

— А мне хотелось бы узнать тебя получше. Значит, ты — ирландка?

— Наполовину, — кивнула Ким.

— А моя бабушка из Италии приехала сюда. Захар родом из Белоруссии. Алинин отец вообще из Африки какой-то.

— Да, у вас тут в Бухте сплошной интернационал, — сдержанно улыбнулась Кимберли.

— Ага. Город эмигрантов. Почему ты сюда переехала?

— Потому что решила отделиться от семьи и стать самостоятельной.

— Ну и как?

— Пока тяжело, — призналась девушка. — С работой надо что-то решать. Алина предлагает попробовать силы в вашем любимом баре.

— Почему бы и нет? Я бы стал туда чаще заходить, — многозначительно произнес Марк с томной улыбкой.

Кимберли снова зарделась. И снова мысленно себя за это отругала.

— Да, но после жизни в Дублине... — начала девушка и тут же осеклась. Рассказывать о том, какую жизнь она вела в прошлом — не самый лучший вариант. — В общем и целом, не так я себе представляла свою профессию.

— И кем ты хотела стать?

Девушка задумалась.

Кем она хотела стать? Вопрос на засыпку. Она ведь и сама еще не решила. Диплом не в счет, работать по специальности в каком-нибудь из филиалов семейной компании она все равно не собиралась. Когда-то давно, еще в старших классах, она хотела стать просто хорошей женой и матерью. Такой, какой когда-то очень давно была ее мать, пока Виктор не ушел от них.

И провести так всю жизнь? За плитой, пеленками и походами по распродажам? А еще будут встречи с соседками и сплетни о том, что у Бирнов течет крыша, собака Райанов вырыла розы на клумбе у О'Мэлли, а дочка у Мерфи совсем отбилась от рук.

Вариант, конечно, не худший. Но и не идеальный. И надо ли так жить до самой смерти?

К тому же, так как она позже планировала связать свою судьбу с Дарреном, следовало считаться с его желаниями. Дарр не хотел детей. Он их не любил. Даже к Шерли, хотя она уже далеко не ребенок, относился без особой симпатии. Идеальная жена для него — та, что не станет задавать лишних вопросов, будет всегда ярко выглядеть и пребывать в хорошем настроении, с радушием принимать гостей, устраивая приемы. А приемы нужны. Больше приемов — больше гостей. Больше гостей — больше клиентов. Больше клиентов — больше денег. Адвокаты любят деньги.

Ким когда-то была согласна на все, лишь бы быть с ним рядом. Он ведь когда-то давно казался ей принцем на белом коне. Таким умным, красивым, блестящим, остроумным. А самое главное — все понимающим!

И только буквально за несколько месяцев до переезда в Россию она начала замечать, что шутки у него не смешные, и улыбаются все только из вежливости. Своей внешности он уделяет слишком много внимания, каждое утро придирчиво рассматривая каждую новую морщину у зеркала.

Ум? Скорее, самоуверенность в своих исключительных способностях. Понимание? Где вообще она это увидела? Разве может быть понимающим и добрым человек, который отзывается о кошках с такой ненавистью? И каждый раз, бывая в гостях у семьи Дойл, со злостью отшвыривает от себя Фауста, пепельного добродушного толстого кота, который всегда липнет к гостям.

И в дополнение ко всему, он ее не любит. Это так же ясно, как то, что она — рыжая. Только раньше ей казалось, что ее влюбленности может хватить на двоих.

Теперь осталось выяснить, любила ли она.

— Я не знаю, кем я хочу быть, и чего я вообще жду от жизни. Просто плыву по течению, наверное, и все, — наконец соизволила она ответить терпеливо ожидающему Марку.

— Почти как я, — усмехнулся он. — Впрочем, какие наши годы. Еще найдем, чем себя занять. Слушай, а мы с тобой — идеальная пара.

— Вот так сразу? — фыркнула Кимберли. — Ты просто мастер пикапа¹⁷.

— Стараюсь, стараюсь, — в тон ей ответил парень.

¹⁷ Пикап в отношениях — это использование техник соблазнения, основанных на психологии и НЛП, для быстрого привлечения внимания, знакомства и интимной близости. Это часто манипулятивный процесс, направленный не на долгосрочные отношения, а на быстрый результат. Основные признаки: избыточные комплименты, нарушение границ, быстрый темп общения, загадочность и эмоциональные качели.

8. Разговоры о главном

Так, незаметно, за непритязательной болтовней пролетел вечер знакомств. Ким успела даже с Заком перекинуться парой фраз, и молодой мужчина показался ей весьма приятным малым.

Иногда подходил Максим и пытался с ней шутливо заигрывать, но Марк ясно дал понять, что гостя уже занята. Девушку же вся эта ситуация забавляла. Ей льстило внимание таких симпатичных парней к ее скромной особе, и она от души наслаждалась этими минутами.

Когда наконец ее вниманием снова завладели Алина и Малли, принялись наперебой уговаривать ее устроиться в «Мышь». Что двигало Алиной, понятно, а вот с чего вдруг этим озабочилась девушка-неформалка, было не очень ясно. Девушки в таких ярких красках расписали работу в баре, веселую и непринужденную атмосферу и общительных посетителей, что Кимберли поневоле начала представлять себя в форме официантки. Единственное, что ее смущало — начальник. Она не была уверена, что сможет всегда адекватно воспринимать его шутки и реплики.

— Да брось! Димон — великий человек, — засмеялась Малли. — Я лично его обожаю. Не каждый день встречаются такие люди. Это большая честь — работать на него.

— А что ж ты сама туда не устроишься? — ехидно поинтересовалась Кимберли.

— А я и работаю. Иногда. Когда выходные в поликлинике выпадают.

— Милана у нас еще и ди-джей, — похвасталась Алина.

— А что, там еще и танцы бывают?

— Иногда помещение снимают постоянные клиенты для каких-либо мероприятий. А иногда и просто устраиваем вечеринки.

— Тематические? — улыбнулась Ким.

— Ой, вот не надо про это! — застонала, хватаясь за голову, Алиша. — Я еще после вчерашнего не отошла.

Кимберли поймала себя на мысли, что ей удивительно легко дается общение с этими людьми. И Алина, и Малли были из другого мира, но этот мир казался ей сейчас гораздо лучше ее прежней среды обитания.

И даже с Марком она быстро нашла общий язык. По крайней мере, ей понравилось с ним общаться. За час она узнала практически обо всей его жизни. Но рассказано это было мило, с юмором и ненавязчиво, так что она слушала его, раскрыв рот.

Выяснилось, что у него большая, если не сказать, огромная семья, состоящая из бабушки-итальянки, ее дочери — матери Марка, двух теток, трех дядей, кучи братьев, сестер, кузин, кузенов, племянников и прочих членов их сообщества. Марк и его братья-сестры родились уже здесь, а вот его мать маленькой девочкой приехала в Россию из маленького городка на юге Сицилии вместе с его бабушкой. А эмигрировать им пришлось из-за практически кровной вражды бабушки с одним из кузенов ее покойного супруга. Синьора Престонелли решила не ждать, пока ее вместе с дочерью прирежут темной ночью. Продала дом и на вырученные деньги купила билеты на поезд. И однажды в один прекрасный день, погрузив нехитрые пожитки в вагон, посадив на верхнюю полку купе дочку и смахнув слезу, госпожа Престонелли отправилась навстречу своей новой судьбе.

Этот рассказ напомнил Кимберли о ее прапрабабке, и она в который раз подумала, как похожи истории совершенно разных людей.

Семья Марка по приезду в Россию постоянно переезжала с места на место, пока наконец не остановились в Русалочьей Бухте, традиционно заселенной мигрантами. Ким от души понадеялась, что Марк не знакомит своих новых друзей с семьей.

Вечер закончился очень мило. Кимберли долго отнекивалась, но Марк все же проводил ее, хотя между домами было шагов пятьдесят. Алина попрощалась еще раньше — ей нужно было на работу. Малли тоже засобиравалась вслед за ней, и когда Ким, сообразив, что осталась одна, без поддержки приятельниц, вскочила, Марк предложил пройти вместе с ней до дома.

В тот вечер они расстались хорошими приятелями, без тени попытки со стороны парня напроситься на кофе или поцеловать ее. Этот нюанс девушке понравился и сразу настроил на симпатию к молодому человеку. Она не любила спешки в таких делах, к тому же, все еще есть Даррен. Прежде чем заводить новый роман, нужно расставить все точки над *i* в старом.

Ким поймала себя на мысли, что опять думает о возможности любовных перипетий между ней и Марком. Покраснела. Чем же привлекает ее этот парень без роду без племени?

В данный момент девушка собиралась в бар «Дохлая летучая мышь». На улице расцветал летними красками день, если быть совсем точной, вторник. Накануне вечером она приняла решение все-таки попробовать себя в роли официантки. Страшно до одурения. Но когда-то давно Кимберли приучила себя действовать наперекор своей трусости. Подумаешь, страшно. Зато потом, оглядываясь назад, она будет смеяться над своими трясущимися руками и холодным потом.

Она же ужасно боялась переезда, и ничего, не умерла. Никто ее здесь не съел, наоборот, появились друзья, готовые скрасить ее одиночество. Так что и в этот раз все будет нормально. По крайней мере, не смертельно.

Окинув свой силуэт в зеркале взглядом, Ким удовлетворенно кивнула. Строгая юбка, пиджак, волосы убраны в элегантную прическу, неброский макияж. Должна понравиться начальству. Хотя, в глубине души она подозревала, что приди она в драных джинсах и простой майке, Дмитрий и не заметил бы. Ему нужна официантка. Не каждая девушка соглашалась работать в таком эксцентричном месте с таким странным владельцем. Поэтому в баре всегда острая нехватка рабочих рук. Но у Ким желание всегда выглядеть достойно было в крови, поэтому она не могла себе позволить пойти на собеседование в чем попало.

Сегодня у Алины был выходной, и девушки договорились встретиться у бара. Ким клятвенно пообещала подруге, что найдет дорогу сама и ни в коем случае не заблудится. Поплутав по городу полчаса, поняла, что погорячилась. И мобильный, как на грех, забыла дома. Но к счастью, ей все же попался толковый таксист, который знал, где находится это заведение.

Алина уже была внутри. Увидев Кимберли, вскочила, едва не опрокинув столик, за которым сидела.

— Тебя где носило? Я уже почти час тебя жду!

— Прости, я все-таки плохо знаю город, — с виноватым видом ответила девушка.

— Чуюло мое сердце, что надо было за тобой заехать, — покачала головой Алина. — Хорошо, что ты все же нашлась, потеряшка ты моя!

— А где Дмитрий?

— В другом зале. А вот и он, кстати.

Хозяин «Мыши» пребывал в приподнятом настроении. Кимберли подозревала, что другого настроения у него не может быть в принципе. Уж так был устроен этот позитивный человек. Никакая напасть не могла вывести его из себя, и даже после выдворения грубых клиентов он чувствовал себя превосходно. Девушка понадеялась, что работая здесь, преисполнится такого же оптимизма.

— Ну, как твое ничего? — жизнерадостно улыбнулся Дмитрий, когда увидел Кимберли.

— Все хорошо, спасибо.

— Готова приступить к работе?

— А что, уже сейчас? — перепугалась Кимберли.

— А чего кота за хвост тянуть?

— Я думала, что будет собеседование...

— Да к псу под хвост это собеседование. Ты же хочешь здесь работать? — Ким кивнула. — Поднос держать в руках сумеешь? Напитки расставить? Ну, подмахнуть пол шваброй тоже...

— Вроде бы ничего сложного, — робко улыбнулась девушка.

— Вот именно! — воскликнул мужчина. — Главное — желание. И пунктуальность. И аккуратность.

— В любом случае, она сейчас к работе приступить не сможет, — категорично заявила Алина. — Она будет работать в мою смену. И я ей помогу, если что. А Галя и Саша обойдутся без помощницы. Я не собираюсь тут пахать в одиночестве.

— Ладно-ладно, я понял. Тогда завтра твой первый рабочий день, Кимберли.

— А зарплата? Может, озвучишь уже? — опять вмешалась Алиша.

— Ах да. Двести пятьдесят рублей в час устроит? Это пока испытательный срок. График «два через два». По восемь-десять часов, когда как.

— Это не считая процентов и чаевых, — подсказала девушке подруга. — Даже на испытательном сроке неплохо.

— Да, все замечательно, все устраивает, — поспешно закивала головой Кимберли, проводя в голове нехитрый подсчет. Она о таких деньгах без опыта и мечтать не смела.

— Здесь народ в основном щедрый собирается, — снова подал голос Дмитрий, соглашаясь с Алиной. — Ну все, девушки, до завтра. Не опаздывайте. Вот этого не люблю. Опоздунов штрафую. Алиночку спроси.

— Ой, все, — недовольно пробурчала темнокожая девушка, беря под руку подругу. — Уходим мы.

Кимберли облегченно выдохнула, когда они оказались на улице.

— Я не думала, что все окажется так просто.

— Волновалась? Я смотрю, и оделась, как на парад. Не дрейфь. Все будет пучком. Ты Дим Димычу понравилась, а значит, проблем не будет.

— В каком это смысле — понравилась?

— Ну, в хорошем. Как человек человеку. Не переживай, он приставать не будет, — засмеялась Алина. — У него по этому поводу пунктик. С сотрудницами — ни-ни.

— А как вообще у него с личной жизнью? Все-таки он личность довольно экстравагантная...

— Да неплохо вроде. У него и девушки такие же. Видела пару раз его подружек. Со странностями, но симпатичные. Так что за него не переживай. Ты лучше о себе подумай.

— А что я? Я занята уже, — вздохнула Кимберли.

— На сегодня всё, девчата. Протрите стойку да закрывайте тут все. А я опаздываю на randevu.

— Беги-беги, — устало протянула Алина. — Все сделаем.

Через десять минут, убрав швабру в чулан, Кимберли с облегчением рухнула на барный стул.

— Наконец-то закончился этот день!

— И не говори. Как прорвало всех. Хотя, чего ж мы хотели — пятница. К счастью, завтра не наша смена. В субботу тут вообще зашьемся. Еще ж этот проклятуший футбольный чемпионат мира. Ну что, по пиву?

— Нет, не хочется.

— Есть безалкогольное, святая ты наша.

— Ну, давай.

Это был уже десятый рабочий день Кимберли. И она на удивление быстро втянулась. Постоянные клиенты уже знали девушку в лицо и обращались по имени. А сама Ким без особого труда приветливо улыбалась всем и каждому. Народ здесь в большинстве своем был спокойным, общительным и крайне дружелюбным. Другие здесь попросту не задерживались.

Кимберли пока довольно успешно справлялась со своими обязанностями. Тут действительно не было ничего сложного. Запомнить заказ, принести его, не опрокинув на головы сидящих за столиками, забрать опустевшие бокалы и стаканы, принести счет и убраться в конце рабочего дня. На первый взгляд, все просто, как дважды два.

Но, во-первых, нужно быть расторопной, во-вторых, постоянно улыбаться. Чем чаще и непринужденнее ты улыбаешься, чем вежливей обслуживаешь клиентов, тем больше дадут на чай. Если будешь полчаса нести заказ, тебя за это по головке не погладят.

И целый день на ногах... Это тоже не очень-то легко. Первые два дня Ким к концу смены едва держалась в вертикальном положении, и придя домой, валилась сразу же на диван в гостиной, не имея сил даже на ужин.

Но зато она чувствовала себя причастной. К чему? Да вообще к жизни. К людям, обществу, городу. Теперь она не чувствовала себя одинокой и потерянной, а очень даже нужной.

— Кимберли, твоя улыбка греет мне сердце, — постоянно говорит ей Иван Степанович, один из преданных клиентов «Дохлой мыши». Ему уже за шестьдесят, но это не мешает ему почти каждый вечер после работы встречаться в баре с друзьями за безалкогольным лимонадом производства Дмитрия. Да, бар славился не только качественным алкоголем, но также вкуснейшими авторскими коктейлями для ЗОЖ-ников, беременных и просто непьющих.

В общем, такие вот слова и заставляют радоваться жизни. Ерунда ведь, а все равно — приятно.

Кроме того, еще был Марк. О нем стоит упомянуть отдельно. Вот и сейчас, как только девушки уселись за столик, телефон Кимберли пискнул, извещая об смс в мессенджере. Прочитав, она счастливо заулыбалась, что не преминула заметить подруга.

— Так-так-так. И что это мы так сияем? Что пишут? И главное, кто? Жених?

— Н-нет. Марк, — Ким против воли покраснела. — Говорит, что соскучился и хочет завтра встретиться.

— Я смотрю, вы зачастили со свиданиями.

— Да никакое это не свидания, ну что ты... Так просто...

— Ага. И цветы он тебе каждый раз тоже просто так дарит.

— И тебе это не нравится потому что...

— Да нет же! Я за тебя рада, но... Ты все твердила про своего жениха.

— Это большая мозоль. Честно говоря, я сама не знаю, что творю. И что делать дальше. И чего я хочу.

— Скажу так: жизнь коротка. Так что нужно делать так, как хочется тебе. Ну, только если это не причиняет вред окружающим. Ну, к примеру, если тебе хочется людей резать.

— Не хочется, — фыркнула Ким.

— Я и не сомневалась, — с серьезным видом покивала головой Алина. — Так вот, главное с прошлым порвать.

— Но не могу же я вот так запросто разорвать отношения с Дарреном. Тем более еще неизвестно, что у меня будет с Марком.

— Ну, зато мне известно. То, что наш милый мачо с итальянскими корнями мечтает затащить тебя в койку, видно и слепому. Но похоже, также не против завязать более-менее серьезные отношения. Ты ему очень нравишься.

— То есть он хочет со мной встречаться?

— Да, именно так взрослые люди это и называют. Учитывая происходящее, он уже с тобой встречается. И раз ты всерьез заговорила о разрыве с твоим ненаглядным, пора делать выбор.

Ким, поразмыслив пару минут, признала правоту подруги. И тут же ощутила вину. Она так боялась предать Даррена, и тотчас же это сделала, как только покинула Дублин. И пыталась себя убедить, что ничего плохого она не делает, и Марк — всего лишь милый друг. Ну, конечно.

Алина заметила, как помрачнела ее подруга, и сама скуksилась:

— Ну вот, я тебя расстроила.

— Да дело не в тебе. Это я — инфантильная дурочка. А еще стерва.

— С чего бы это?

— Изменяю близкому человеку, с которым еще недавно хотела жить долго и счастливо.

— Ну брось. Вы даже с Марком еще не целовались-то всерьез, не говоря уж про секс. Так что никакая это не измена. Ну и... Слушай, я ж не слепая. Тебе нравится Марк, и ты не очень-то довольна отношениями с женихом. Или я все-таки ошибаюсь?

— Сама не знаю, — со вздохом призналась Ким. — Уехав из Дублина, я словно оставила позади всю прошлую жизнь. И всех людей, которые в этой жизни были. Тот мир, он чужой. И Даррен, как часть этого мира, тоже стал мне чужим. По крайней мере сейчас мне так кажется.

— Так может пора поставить точку?

— Но я не могу сейчас уехать в Дублин.

— Драсьте. А это тут причем? — удивилась Алина.

— Рвать отношения надо лично.

— Божечки. Мужики-то с этим не церемонятся. Так чего ж мы должны? Берешь телефон и...

— Я так не могу, — покачала головой Кимберли. — Это трусливо и подло.

— Ну точно. Святая Кимберли. Есть у вас такая в Ирландии?

— Не слышала. Но я не слишком набожна.

— Как знаешь. А что с Марком тогда будешь делать? Перерыв? Чет сомневаюсь, что поймет. А уж если про жениха прознает... Он ревнивый у нас.

— Ревнивый бабник? Шикарно. Раз уж ты в курсе всех и вся, расскажи-ка, почему Роман меня невзлюбил?

— Ах да! — Алина подвинула к себе бокал с пивом и сделала глоток, собираясь с мыслями. — Он решил, что ты прямиком из какой-нибудь желтой газетенки к нам прибыла. В погоне за сенсацией.

— И даже если бы это было так, что плохого? — не поняла Ким.

— Не любит он их. Его маме они кровь попортили. Папашка у него в местах не столь отдаленных на пожизненным.

— В тюрьме?

— Ага. По молодости торговал нехорошими вещами. Ну и при облаве убил мента. Ромке тогда два года было. Теперь ненавидит все, что связано с этими самыми вещами. И с газетами.

— Ясно. Надеюсь, ты сможешь убедить его, что я ни с чем подобным никак не связана.

— Да я все уши прожужжала, что ты — святоша. Даже пиво не пьешь.

— Да просто не люблю, — улыбнулась Ким.

— А еще ирландка...

— Это все стереотипы. А я предпочитаю белое вино.

— Будем знать.

— Рома, я так понимаю, тоже правильный. Что же тогда тебя связывало с тем придурком, который тебя порезал?

— О, это длинная история.

— Мы никуда не торопимся. Но если не хочешь, не рассказывай.

Алина, подумав, все-таки продолжила:

— Я убежала из дома, когда мне было четырнадцать. Мама у меня строгая, а у меня гормоны во всех местах шуровали. Поцапались мы, и я свалила. Уехала в другой город авто-стопом. Спала на улице, питалась чем придется. Попала в нехорошую компанию. Подсела на крепкие напитки. Ребята делали всякое: тачки гоняли, на ларьки налеты устраивали.

— И ты...

— Не, девчонки в таком не участвовали. А потом я познакомилась с Денисом. Там все было гораздо хуже. Но я поняла это, когда уже влюбилась. Шестнадцать лет как-никак. А когда поняла, что валить надо, он меня водворил обратно, перед этим избив до полусмерти. Я все равно сбежала. Вернулась к матери. А этот гад меня выследил. И однажды, когда я вечером возвращалась от подруги, поймал меня снова. И вот тогда-то я и встретила Прохорова. Наш золотой мальчик с парой друзей отмечал на скамейке окончание колледжа. И тут видят, что с девушкой что-то нехорошее делают. А дальше и вовсе станет все печально. Максимка первым за меня вписался. Потом уже мне нос своей футболкой зажимал, чтобы не так фонтанировала кровью, да в «скорой» за руку держал. А дружки держали Дэна, пока дядя Макса отправлял за ним наряд.

— Он вроде полицейский, да?

— Ага. Начальник местного УВД. Но мужик неплохой. И в узде Макса держит. Когда меня выписали, начали встречаться. Тогда-то я и узнала, что Дэна признали виновным в покушении на изнасилование и убийство, и отправили в колонию.

— Боже, в жизни не слышала более жуткой истории, — заметила побледневшая Кимберли.

— Да не, случались вещи и похуже, но слава Богу, не со мной. Но вот этот гад недавно вернулся и решил мне отомстить. Его, кстати, опять закрыли. Но уже не из-за меня. Попался на грабеже. Идиот.

— А долго вы с Максом были вместе?

— Полтора года. Потом разбежались после очередной ссоры. Характеры у нас не простые. У обоих. А Прохоров у нас еще из золотой молодежи, пусть и с поводком. С такими тяжело ужиться. Так что последние три года я с Ромой. Парень простой. А вот судьба не простая. Надеюсь, тебя не смущает, что ты дружишь с бывшей бездомной алкоголичкой? Сейчас, кстати, я ничего крепче пива не употребляю.

— У всех свое прошлое, — пожала плечами Кимберли. — Наша семья вообще началась с союза проститутки и жулика.

— Жажду подробностей! — восхитилась Алина.

— О, нет. Это уже в следующий раз. А то я усну тут за столом.

— Тогда пойдем потихоньку. Сейчас напишу Ромке, он нас подбросит. А то на последний автобус мы, похоже, опоздали уже. Кстати, чтоб ты знала, все ребята в нашей теперешней тусе хорошие. Не пьют, как слоны, не употребляют нехорошее, и девочек не обижают.

— Это здорово.

— Жизнь тут у многих была непростой. У Макса родители давно умерли. Мама от рака сгорела, отца убили в девяностые, бизнес не поделили. Про Ромку рассказала. У Миланы тоже детство было печальным. Но это она сама расскажет, если захочет. Не моя тайна. Да и Захар наш хлебнул немало.

— А у него-то что?

— Ему пришлось бросить учебу, чтобы жить на что-то. Его родители разбились в аварии, когда он был на третьем курсе. На шее парня осталась младшая сестра-школьница и престарелый дедушка. Сестра сейчас уже на четвертом курсе медицинского института. Зак помогает ей деньгами да плюс платит сиделке, которая ухаживает за дедушкой. Он мне рассказывал, что

характер у предка — не подарок, и он ужиться с ним не может. Поэтому и сбежал из Минска. Можно было бы сдать деда в дом престарелых, но это дороже, чем сиделка.

— Кем же работает Зак, раз он и сестре помогает, и за дедушку платит? — поразились Ким. — Мне бы тоже такая работа не помешала. Хочу дом обновить.

— А ты вряд ли справишься, — хихикнула Алина. — У него своя мастерская по ремонту машин. Он вообще у нас мастер на все руки. Так что он и сантехник, и плотник, и механик. Не чурается любой работы.

— Господи, когда же он спит?

— Что-то ты прям активно им заинтересовалась, — Алина окинула подругу любопытствующим взглядом. — Знаешь, он даже частенько заходит на тусовки к Прохорову. Так что сама понимаешь, отдыха не чурается. Кстати, он никому не рассказывал о своей жизни, кроме меня. Мы с ним дружим. Он хороший парень, хотя не общительный. Нелюдимый, я бы даже сказала. Но я-то знаю, почему.

— Ну не знаю. Мне он показался самым обычным. Нормальным.

— Кому как. О, а вот и Ромка сигналит. На выход, подруга. Меня что-то тоже вырубает.

9. Русалочьи страсти

Июль застал Кимберли в тяжелых раздумьях. Ей наконец предстояло окончательно разобраться в своих чувствах к мужчинам, которые ее окружали. Вернее, окружал-то ее только один из них, а второй лишь изредка объявлялся и звонил. Но тем не менее, Кимберли совсем не была уверена, что победа будет на стороне Марка. Он ей действительно нравился, но ее смущало не слишком серьезное поведение парня. Насколько она успела узнать его. Не по отношению к ней. А вообще — к жизни. Образование не закончил, но в отличие от Захара и профессию не имел. Работал помощником повара, и к большому не стремился. До сих пор жил с матерью и остальными членами огромной семьи.

Все-таки Даррен в этом отношении казался более подходящим партнером. Но потом Ким вспоминала, что и с этим человеком у нее мало общего. Она не любила высший свет. Не любила пустую болтовню о том, кто сколько заработал и кто с кем спал, у кого какая квартира и кто сколько отхватил при разводе.

Ее устраивал скромный домишко, который она теперь смогла обустроить по своему вкусу, найдя работу. Обновила обивку мебели в гостиной, заставила шкаф книгами. Спальня обзавелась туалетным столиком, который украшали яркие баночки с косметикой. На стенах, скрывая старые обои, висели репликации натюрмортов и нежные цветочные постеры в провансальском стиле. Кухню украшал блестящий новенький блендер, ярко-синяя кофеварка и такого же цвета тостер.

Клумбы вокруг дома теперь тщательно перекопаны и выполоты. Но на посадку цветов в этом году у новой хозяйки уже не было сил. Да и Алина, любящая ковыряться в своем саду, просветила, что цветы, даже в черноморском климате, лучше сажать весной, а не в разгар лета. Единственное, что сподобилась сделать Кимберли — это купить и высадить саженцы сирени, да пустить по забору вьющийся декоративный виноград. Но в любом случае ее садик и так преобразился после удаления мертвых растений.

Да, вот такая простая жизнь девушку более чем устраивала. И в общем-то, простой Марк в такую жизнь прекрасно вписывался. С ним легко. Но порой хотелось чего-то посложнее.

Короче говоря, как обычно в последние дни, Ким сама не знала, что ей нужно. О чем и сообщила Алине, когда они коротали на кухне свой последний выходной перед очередной сменой.

— Ну, подруга, ты прям ходячее противоречие. И тот ей не так, и этот не эдак. А может тебе к Максусу присмотреться вообще? Он и слоем социальным повыше будет. И не такой зазнайка, как все другие из этого самого слоя.

Алина обучала подругу готовить лазанью. А точнее — пыталась. Потому что голова у ученицы была забита совсем другими проблемами.

— Думаешь, я все-таки сноб?

— Есть маленько. Хотя мы с тобой в одни ясли не ходили, но со мной ты дружишь. А Марк для тебя слишком прост, выходит. И кто знает вообще, чем обернется ваш роман? Который даже не роман пока. Может, вы разбежитесь через месяц. Ну и зачем ломать голову о том, что и как будет дальше?

— А что плохого в том, что я хочу спланировать наперед? — обиженно парировала Ким.

— А что хорошего, если ты наперед загадаешь все, что случится? А оно и не сбудется. Может, ты уже решила в каком платье выходить за Марка замуж? Или сколько у вас будет детей? Или кого заводить: собаку или кошку?

— Нет, таких планов у меня нет.

— И то слава Богу. Делаешь успехи. Солнышко, может тебе сложно это понять и принять, ибо я вижу, что воспитана ты иначе, но позволь дать тебе масенький совет. Живи сегодняшним днем. Нет, думать о будущем полезно. Но не загоняйся. Иначе убьешь всю романтику.

— Спасибо, я поняла.

— Сарказм твой за версту слышно.

— Но я серьезно! Я тебя услышала. Поняла. Принять будет уже сложнее.

— Ну ты хоть попытайся. А то если ты постоянно думала о таких вещах, пока жила с женихом, не удивительно, что ты так быстро его разлюбила.

— Да не в этом дело.

— А в чем тогда?

— Я уже не уверена, что в принципе любила его когда-либо. Скорее это была влюбленность. И попытка сбежать из семьи. Хоть куда-нибудь. Лишь бы не возвращаться под мамино крыло.

— Маман у тебя, я смотрю, та еще штучка.

— Вот кстати еще одна причина выйти за Даррена, — усмехнулась Кимберли. — Назло матери. Она его ненавидит. И это возвышенное чувство взаимно.

— О как. Надеюсь, Марком ты никому не мстишь?

— Так ты же сама сказала, что у нас и романа никакого еще нет.

— Да, с тобой сложно спорить. Так, стоять. Ты что творишь?

— Солю фарш...

— Но не половиной банки-то! Етижи-пассатижи! Дай сюда!

Лазанью удалось спасти, чего нельзя было сказать о душевном покое главной героини. Слова подруги не смогли ее успокоить. И она по-прежнему мучилась неопределенностью завтрашнего дня.

Хотя не долго. Марк не оставил ей времени на тягостные раздумья, позвонив в дверь. Девушка кинула взгляд на настенные часы и охнула: время свидания подкралось незаметно. Нет, так глубоко в себя уходить однозначно нельзя.

— Приветик, Солнышко, — лучезарно улыбаясь, Марк протянул хозяйке букет красных с оранжевыми прожилками роз.

«Давно ли я стала Солнышком?» — подумалось Кимберли, но возражать она не стала.

— Ты готова?

— Ну... Собственно, да, — девушка отвернулась, пристраивая цветы в вазе и обдумывая следующие слова. — Смотря что будем делать. Для выхода в свет я не готова.

— Как смотришь на прогулку по пляжу?

— Положительно...

Да, разнообразия мало. Но вряд ли следовало ожидать от Марка приглашения в ресторан или на художественную выставку. В кафе, где он работал, они уже ужинали, и судя по всему, повторения не планируется. И хотя Кимберли сама не горела желанием ходить в элитные места, ей хотелось бы чего-то иного, нежели прогулки под луной да походы в кинотеатры на романтические комедии и ужастики.

— Что-то не так? — с озабоченностью в голосе спросил парень.

— Нет-нет, все в порядке! — Кимберли мягко улыбнулась, успокаивая его.

Ну разве можно сказать ему, что на самом деле ее мучает? Еще обидится. А Кимберли болезненно воспринимала обиды других людей на нее. Лучше, если недовольной останется она, чем друг/приятель/родственник.

Через десять минут парочка уже вышагивала по направлению к набережной, взявшись за руки, словно школьники, разделившие первую любовь. И Кимберли в который раз поразились, насколько этот городок соответствует ее вкусам. В детстве главным для нее всегда было общество отца, да морские купания. А все остальное отходило на второй план. Ирландское море

слишком прохладное, а Атлантический океан всегда наводил на Ким ужас, поэтому плавание в Черном море, пусть и не слишком чистом с точки зрения экологии, было для нее настоящим наслаждением.

Теперь же, когда отца больше нет, девушка вдруг осознала, что ей тут нравится многое. И теплый климат, и бело-бежевые домики с кофейными, голубыми и розовыми черепицами. И узенькие улочки, мощенные камнем, с натянутыми между домами веревками для белья и висящими на подоконниках корзинками с яркими петунией, геранью и портулаком. И изумрудные пальмы на площадях, и фонтанчики из белоснежного мрамора. И бесконечно лазурное небо, и бирюза морской глади.

Тут ее место. Определенно.

Когда наконец впереди замаячило море, солнце послало последний воздушный поцелуй, ласково пробежалось пальцами-лучами по водной поверхности и скрылось за горизонтом. И практически сразу же на город рухнула темнота. Внезапно, словно кто-то властной рукой накинул на Русалочью Бухту темное покрывало.

Почему-то и ранние скоротечные сумерки Кимберли нравились. Нравилось ночное полотно с огромными яркими звездами и гигантской Луной. В Дублине ночь совсем другая, блеклая.

И даже к душному лету она привыкла. Жара больше не доставляла неудобств. А еще на загорелой коже не так заметны дурацкие веснушки.

А какие шикарные тут грозы! Мощные, раскатыстые, пугающие до мурашек. Но вдохновляющие и насыщающие душу желанием жить.

*Когда ночь окутывает нас,
Духи глубины
Восхищаются китами,
Пока те спят.
Море, ты заволаживаешь
Своей волшебной синевой (пер. с англ.).*

Сара Брайтман — «La Mer»

Вечернее море дышало. Волны накатывались на берег, целуя прибрежную полосу — вдох. Волны разочарованно отбегали с недовольным рокотом — выдох. Если долго смотреть на это размеренное дыхание, можно на время потерять связь с окружающей действительностью. Чем не медитация?

Внезапно девушке пришла в голову озорная мысль: а не побродить ли по песку босиком? Марк попытался отговорить ее, пугая всевозможными страстями: и разбитым стеклом, и недружелюбной живностью, и даже окурками. Но Кимберли на все его возражения привела один-единственный, но весьма важный довод. Ей так хочется. И тут же освободила ступни от плена сандалий. Марк пробормотал что-то по-итальянски, но улыбнулся, позволяя делать все, что заблагорассудится.

— Только купаться в ночном море я тебя не пушу, даже не думай, — предупредил он. — Мало ли что.

— Надо же, какой ты строгий и скучный! — засмеялась девушка. — Я-то считала тебя сорвиголовой.

— Не люблю воду, — буркнул парень. — И другим не советую.

— Только не говори, что ты и днем не купаешься!

И правда. Ким только сейчас осознала, что на пляже с ней проводили время только девчонки: Алина и Милана. Правда, те больше предпочитали нежиться на солнышке, хотя Алине с ее темной кожей загар был не к чему. Зато Кимберли из воды было не вытащить. И она не понимала, почему не все окружающие такие.

Как это оказывается, приятно, почувствовать кожей ног прохладный шершавый песок... Сейчас он не напоминал адскую сковородку, как это бывает в разгар дня, когда до воды добраться можно не иначе, как бегом, да еще и прыжками. Поэтому сейчас, при каждом шаге зарывая ступни во влажный и холодящий кожу песок, Кимберли испытывала ни с чем не сравнимое удовольствие.

Так они с Марком и шли по прибрежной полосе, молча, держась за руки. Да слова сейчас были и ни к чему. Идти рядом с симпатичным тебе человеком, держать его ладонь в своей, чувствовать его сердцебиение... Для Кимберли этого было вполне достаточно, чтобы все внутри нее наполнилось ощущением счастья. Сразу пришли на ум прежние мысли о желании как-то разнообразить свидания. Нет, не надо ей ресторанов и музеев. Пусть всегда будет так. Море, соленый воздух и мириады серебристых бусин над головой.

Ей не хватало таких вот прогулок в Дублине. Разве Дарр позволит себе потратить хотя бы полчаса своего драгоценного времени на такое пустое занятие? Ким представила его на месте Марка и не удержалась от смешка.

— Что смешного? — парень с удивлением покосился на девушку.

— Да нет, ничего. Я просто улыбаюсь. Мне хорошо. Здесь и сейчас.

— Мне тоже. Именно здесь, и именно с тобой.

— Мне вообще нравится этот город. Дублин совсем другой.

— Могу себе представить. Слышал, у вас и лето — не лето. А здесь даже зимой снега почти не бывает.

— Рождество без снега — не Рождество, — улыбнулась Кимберли.

— Но ты сможешь насладиться морозами дома, когда уедешь на праздники. А я бы в Италию смотался. Если финансы позволяют, конечно.

Кимберли замолчала, прислушиваясь к своим ощущениям после его слов. Выходит, парень даже не допускает возможности вместе отметить зимние праздники. Хотя, о каких совместностях может идти речь, если они даже еще не спят вместе. Он, может, и своей девушкой-то ее не считает. А она опять торопится, строя планы на полгода вперед.

Сразу вспомнились слова Алины.

— Загадывать, конечно, еще рано! — спохватился Марк, ощутив, как напряглась рука девушки. — Планы могут сто раз измениться.

— Смотря чьи. Я скорее всего останусь здесь. Испытаю на собственной шкуре, что такое южная зима. Вручу сама себе подарки, напьюсь горячего пунша.

— Лучше холодного вина.

— Ну хорошо, значит будет холодное вино.

— А как же семья? Новый год и Рождество — все-таки семейные мероприятия.

— Не в нашей семье, — отрезала Кимберли. — Хотя, знаешь, у меня появилась идея получше. Загляну пожалуй к Прохорову. Наверняка будет знатная вечеринка.

— Вряд ли, — надулся Марк. — Этот черт всегда на праздники сваливает подальше. В прошлом году летал на Гоа. В позапрошлом — на Кубу.

— А он любит экзотику.

— Еще как, — с мрачным видом кивнул Марк и тут же сменил тему. — Кстати говоря, у нас скоро соревнования.

— И что? — Кимберли высвободила ладонь и отправилась к шезлонгам, стоящим у самой воды — дворники еще не успели подсутиться.

— Просто сообщая, — шагая следом, затараторил Марк. — Вдруг захочешь присутствовать. Будет весело.

— Может, и захочу, — пожала плечами Кимберли, присаживаясь на самый краешек шезлонга.

— Солнышко, ты на что-то обиделась? — наконец и до жирафа дошло. Парень сел рядом и приобнял ее за плечи.

— Нет, да и с чего бы?

— Я что-то не так сказал? Или сделал? — продолжал допрос парень.

— Наоборот. Ты *не* сделал. Ты не предложил мне отпраздновать Рождество вместе! — не выдержала Кимберли.

— Оу... — Марк сразу успокоился. — А ведь Алина говорила, что если хочу тебя завоевать, нужно поступать медленно и осторожно, как по битому стеклу босиком. Оказывается, зря я к ней прислушивался.

Робкая улыбка чуть тронула его губы, а через две секунды он и вовсе рассмеялся.

Кимберли с негодованием уставилась на него, собираясь высказать ему все, что она о нем думает, причем в выражениях, подчерпнутых из общения с Малли и Алиной.

Но не успела.

Марк, все так же улыбаясь, осторожно повернул ее лицо к себе и легким поцелуем коснулся губ. Кимберли изо всех сил старалась сдержаться и не давать воли своим губам, но они решили иначе, и девушке пришлось ответить на поцелуй. Да, она обижалась на Марка, но ничего не могла с собой поделать. Ее тело жило своей жизнью, и вот уже руки, не обращая внимания на внутренний (правда, едва слышный) протест, обвили шею парня. А пальцы вдруг сами по себе оказались в его волосах. Кимберли и представить не могла, какие они мягкие и шелковые на ощупь. Отчего-то после этого прикосновения по всему телу промаршировали ровным и четким строем мурашки, а в животе вспорхнул рой бабочек.

Поцелуй из легкого и пронизанного нежностью медленно, но верно перешел в нечто обжигающее и жадное. Губы Марка плавно переместились сначала к мочке ее уха, а затем спустились к ложбинке между ключицами. Буквально через мгновение Ким почувствовала, что лежит, а в лопатки ей упирается спинка шезлонга. И только когда пальцы парня подцепили бретельку от платья и с умопомрачающей наглостью потащили ее вниз, она очнулась от сладостного дурмана.

«Боже мой! Мы же на пляже!»

Кимберли резко села, оттолкнув от себя парня. Тот с непониманием воззрился на нее. Темные глаза лихорадочно блестели, а дыхание вместе с пульсом, судя по всему, зашкаливали, как у спринтера.

— Что случилось?

— Мы... я... — Ким с трудом подбирала слова, ощущая, как дрожит голос от пережитых ощущений. — Я не могу! Не здесь и не сейчас.

— Но кроме нас тут...

— Я сказала — нет! — Кимберли окончательно пришла в себя, и в голосе прорезались стальные нотки. Наверное, всего второй раз в жизни. — Марк, извини, но такие приключения не для меня. Секс на пляже — это очень захватывающе, не спорю. Но боюсь, коктейль с таким названием мне нравится больше, чем само действие.

— Да я же ничего такого...

— Чего или ничего — этого мы уже узнаем.

— Ладно, проехали, — Марк тоже постарался успокоиться. — Извини, не хотел на тебя давить. Просто, когда ты рядом, мне очень сложно держать себя в руках.

— Дело не только во мне. То есть, во мне, конечно, но... Прости, что не рассказала тебе этого раньше. В Дублине у меня есть друг.

— Друг? — парень нахмурился.

— Ну, не совсем друг. Скорее, парень. А если быть абсолютно искренней, жених. Мы с ним помолвлены.

— Отличная новость! Прекрасное завершение приятного вечера! — воскликнул ошарашенный Марк. — И когда ты собиралась мне сказать об этом?

— Прости, я не знала, как начать этот разговор... — и действительно, Ким не нашла ничего лучшего для отрезвления охваченного желанием бойфренда.

— А я, значит, просто очень удачно подвернулся тебе, пока ты со своим женишком не видишься? — парень вскочил и с высоты своего роста гневно уставился на Ким.

— Да нет, все не так! — а ведь Алина предупреждала ее. Она словно всегда все знает наперед. И теперь Ким мучительно подбирала слова для адекватного объяснения.

— А как тогда? Ты с улыбкой принимаешь все мои знаки внимания, мои прикосновения, заговариваешь уже о совместных праздниках. А теперь выясняется, что я что-то вроде запасного варианта. Неприятно, знаешь ли.

— Ты все неправильно понял. Как только я начала с тобой встре... близко общаться, для меня уже все было ясно. С Дарреном покончено, только я ему об этом еще не объявила.

— О как! Значит, и этот парень тоже не в курсе, что ты ему рога собралась наставлять, — усмехнулся Марк.

— Ничего я не собиралась, — вспылила Ким и, поднявшись с шезлонга, подошла вплотную к парню. — Я вообще ни о чем таком не думала! Я не виновата, что ты так внезапно появился в моей жизни. Даже не успела сориентироваться...

— Значит, это я виноват? Ну, прости. Если бы я знал, что ты несвободна, то и... — тут он запнулся, и внезапно взгляд его стал мягче. — Впрочем. Наверное, стал бы. Приложил бы все усилия для того, чтобы отбить тебя.

Кимберли с облегчением улыбнулась.

— Спасибо, что сменил гнев на милость. Не хочется терять тебя вот так, из-за такой-то ерунды...

— Значит, этот твой Даррен — ерунда? — парень приобнял девушку за плечи и свободной рукой провел по ее волосам, убирая за ухо огненную прядь, выбившуюся на лицо.

— За все три месяца, что я живу здесь, он удосужился позвонить три раза. Причем последние два звонка были настолько никчемными по содержанию и времени разговора, что мне за Дарра стало стыдно. Видно же, что наши отношения ему в тягость, так почему бы не поставить в них точку.

— А ты сама почему до сих пор не сказала ему о разрыве?

— Потому что я не могу вести такие разговоры, находясь за тысячу километров от него.

— И что же нам теперь делать?

— Пока я с ним не увижусь, не смогу сообщить о том, что наши пути расходятся. А увидимся мы, скорее всего, не раньше сентября. И соответственно...

— И соответственно, наши отношения за рамки дружеских выйти не могут, — закончил Марк, усмехаясь.

— Да, — выдохнула с облегчением Кимберли. — Спасибо за понимание.

— Да всегда пожалуйста. Только сказать легче, чем сделать... И кстати, — помолчав, внезапно добавил он, возобновляя тему, о которой Ким уже давно забыла. — Если ты хочешь, можем вместе поехать в Италию. Я буду очень рад.

10. Неспящие в Русалочьей Бухте

*Ты же видишь: мы много работаем,
Много отдыхаем.
Чувак, мне нужно оставаться в тонусе.
Не могу спать, устал, проблемы на горизонте,
Бегаю вокруг, как заведенный.
Внутри плещется очередной «Ред Булл».
Все горят, детка (пер. с англ.).*

Freestylers & Pendulum — «Painkiller»

Душный воздух, туманным облаком обволакивающий тело и разум, заставляющий чувствовать странную истому. Одинокие фонари, совсем не разбавляющие темноту ночи этого района в обычные дни. Только сегодня это никого не смущало. Сегодня здесь всем было не до сна. Ночи не было. Было лишь ощущение драйва и скорости.

Музыка оглушительно гремела, басами ударяя по барабанным перепонкам. Но она не доставляла неудобства, она бежала по венам, соединяясь с кровью и делая ее похожей на раскаленный металл. Здесь невозможно было устоять в стороне, тело начинало двигаться в нужном ритме само по себе, без участия мозга.

Красивые загорелые тела, минимум одежды, звонкий веселый смех, обнимающиеся парочки. Здесь все насущные проблемы отступали на задний план, и вперед выступало желание жить и наслаждаться жизнью.

Кимберли никогда не думала, что ее сможет прельстить такое времяпрепровождение. Спектакли, опера, мюзиклы, балет, симфонические концерты — это то, что она знала и любила. Ночные клубы? Очень-очень редко. Бодрствовать всю ночь она могла с большим трудом, правда, нынешняя трудовая деятельность приучила ее ложиться спать на рассвете, но это работа. Она и воспринималась как работа, а отдых в понимании Ким — нечто совсем другое.

О существовании подобных песен, звучащих в автомобильных магнитолах, она даже не подозревала. И уж тем более не смела представить, что они могут ей понравиться, несмотря на сомнительные тексты и агрессивную музыку.

Сегодня на Солнечном проспекте проходит очередная битва стритрейсеров. Девушка до последнего сопротивлялась и призывам друзей, и своему тайному крохотному желанию посетить данное мероприятие. Желание это зародилось совершенно для нее неожиданно, и она пыталась убить его на корню. Не получилось. И вот она здесь, среди толпы жаждущих зрелищ и адреналина, одна из многих, мало чем отличимая от остальных девушек.

Вязанный соблазнительный топ, открывающий все что можно и нельзя, юбка, которую полгода назад Кимберли приняла бы за ночное белье, — таких вещей у нее в гардеробе отродясь не водилось. Но Алина поволокла ее на очередную распродажу, где и были приобретены эти сомнительные вещи. Ким уже давно убедилась, что ее подруга умеет уговаривать и убеждать. Ей бы в политику податься, цены б ей не было.

Но в любом случае на этой сходке любителей погонять на апгрейденных авто и поглазеть на все это дело такой наряд был очень даже уместным.

Покрутившись перед зеркалом в течение часа, Кимберли все же пришла к выводу, что на ночную бабочку она не тянет, а значит, смело можно это носить.

— То, что мы носим, часто формирует наш внутренний мир, — сказала ей тогда Алина.

— А разве не наоборот?

— Это правило действует в обоих направлениях.

И Ким наконец поняла, что это значит. Потому что она перестала ощущать себя закованной в стальную броню. Она почувствовала свободу. Свободу быть соблазнительной и яркой, оставаясь при этом недотрогой.

Если быть совсем откровенной, то свободной она почувствовала себя совсем недавно, когда увидела, что ее наряд не выглядит каким-то особенным и отлично сочетается с толпой. А вот когда они с Алиной покинули ее дом, Кимберли хотелось провалиться под землю. Одна она точно не рискнула бы выйти из дома в таком виде.

— Привет, подруга! — девушку с силой хлопнули по плечу, она даже по инерции шагнула вперед. Подозревая в этом злодействе Малли, резко обернулась. Так и есть. Девушка была весела, и ее глаза блестели предвкушением. И снова одета во что-то яркое, самых невообразимых оттенков. — Как поживаешь? Не ожидала тебя тут увидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.